ПИОНЕР

21

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ВСЕ О СИГНАЛИЗАЦИИ

Сигналист ФЕДОСЕЕВ

Пионеры 121 отряда прислали нам заметку, в которой они рассказывают о применении сигнализации.

Отряд жил в лагере, на берегу большого озера. Километровая полоса воды отделяла отряд от другого берега. А там жил соседний «дружественный» лагерь.

Лагеря проводили совместную работу и часто навещали друг друга. Ежедневно приходилось совершать по 2—3 рейса на лодке, чтобы о чем-нибудь договориться. Это надоедало и отнимало к тому же много времени. Ребята решили провести «рационализацию» этой связи. На обоих берегах устроили сигнальные вышки, заготовили флажки, фонари, ревностно изучали Морзе и семафор. И вот однажды, вместо того, чтобы снова ехать на тот берег и снова тратить драгоценное время, на одном берегу замелькали флаги. Им отвечают с другого берега.

«Приходите к нам сегодня. У нас джаз-банд и интересная беседа. Ждем в 8».

С тех пор сигнализация заняла прочное место в быте обоих лагерей. Без нее, как без рук.

Эти же отряды неоднократно применяли сигнализацию во время поездок по озеру. Огромное озеро в непогоду было неузнаваемо. Саженные валы, словно в море, захлестывали лодки, крутили их, как щепки. О в'езде в залив в такие дни не могло быть и речи, так как с течением и ветрами невозможно было бороться. Приходилось искать пристанища на островах, и тогда единственной связью с «материком» была сигнализация.

Примеры, которые мы приводили выше, наглядно показывают необходимость изучения сигнализации в пионерском отряде. Но этим ее значение не исчерпывается.

Без сигнализации нам не обойтись и в походе, и на экскурсии. Нам частенько придется расчленяться по звеньям для осмотра местности и других целей, и здесь встает необходимость поддержания взаимной связи. Это легко достичь сигнализацией.

Мы не может провести ни одной сколько-нибудь серьезной и интересной военной игры, не имея в составе «армий» хорошо обученных сигналистов.

Пионеры-сигналисты, будучи призванными в свое время на военную службу, будут иметь все навыки связистов как для армии, так и флота.

Любую телеграмму сможет передать пионер по телеграфу, если будет в том необходимость.

И, наконец, занятия сигнализацией великолепно тренируют память, внимание, развивают силу рук и гибкость кисти.

В этом номере «Пионера» очень много материала о сигнализации. Звено сделает неплохо, если начнет изучать сигнализацию теперь же, чтобы к выезду в лагерь все ребята хорошо умели сигнализировать. В «Дневнике звена», который начинается на стр. 20, рассказано, какие игры и упражнения можно проводить, пользуясь сигнализацией.

Сигнализация азбукой Морзе

Азбука Морзе удобна тем, что дает возможность сигнализировать любыми способами: флагами, руками, свистком, дымом, фонариком, костром и даже... пальцами или, например, глазами. Недостатком ее является сравнительная медлительность передачи, так как каждую букву приходится передавать несколькими взмахами флажков или несколькими вспышками огня. Азбука Морзе применяется на телеграфе и в радио.

Сущность сигнализации Морзе состоит в следующем. Каждая буква состоит из нескольких точек и тире. Точка изображается взмахом одной рукой (флагом), коротким свистком или короткой вспышкой огня. Тире—взмахом обеих рук, протяжным свистком, длительной вспышкой огня.

Ниже мы приводим азбуку Морзе. Рядом с каждой буквой у нас написано слово, начинающееся с той же буквы. Эти слова облегчат заучивание азбуки. Слога с гласной «а» будут показывать точку, не имеющие этой гласной—тире. Например, слово «Са-ма-ра» (буква «с») в каждом слоге имеет гласную «а», следовательно, букву «с» мы передадим тремя точками.

Азбука Морзе

а . — А-бо
б — ... Бес-са-раб-ка
в . — — Ва-ви-лон
г — — . Го-ло-ва
д — .. До-бав-ка
е, э .
ж ... — Жат-ва зла-ков
з — — .. звон/бу-ла-та
и . .
к — . — Кон-стан-тин
л . — . . Ла-до-жан-ка
м — — Ми-нин
н — . Но-га
о — — — О-ло-во
п . — — . Па-ни-хи-да
р . — . Ра-ду-га
с . . . Са-ма-ра
т — Ток
у . . —
ф . . — . Фа-на-тич-ка
х . . . . Ха-на-ан-ка
ц . — . — . Цы-га-ноч-ка
ч — — — . Че-ре-му-ха
ш — — — — Ше-ре-ме-тев
щ — — . — Щу-ро-гла-зый
ы — . — — Ы-ка-ние
ю . . — —
я . — . —
й . — — —
ь — . . — Е-ра-ла-шик

Перед передачей чисел показывается буква «ч» (— — — .)

1 — —
2 . . —
3 . . . —
4 . . . . —
5 . . . . .
6 — . . . .
7 — . . .
8 — . .
9 — .
0 —

Сигнализация производится так. Сигналист стоит в положении «смирно»—руки с флагами опущены вниз, ноги слегка расставлены. В правой руке красный флаг, в левой—белый. Перед началом сигнализации делается «вызов» — положение рук с флагами «в стороны и вверх». «Вызов» делается несколько раз, пока не будет показан «отзыв»—то же положение. Затем начинается сигнализация. Движения рук и флагов должны быть точные, четкие. После каждой буквы делается «отмах» красным флагом на уровне пояса, после каждого слова—«отмах» двумя флагами. Конец передачи показывается скрещенными флагами над головой. Если принимающий сбился и не понял передачи, он делает ряд махов красным флажком над головой. Передающий должен после этого прекратить дальнейшую передачу и начать ее сначала.

Передача свистком горлом производится в общем также. Короткий свисток—точка, протяжный—тире. Между буквами пауза 3 счета, между словами—6 счетов.

Вызов—протяжный свисток. «Не понял»—ряд коротких свистков.

Можно сигнализировать также глазами и пальцами. Закрывая один глаз, покажем точку, два глаза—тире. Показывая один палец—точку, два пальца—тире.

Для сигнализации дымом (на походах, при невозможности видеть друг друга) нужно разложить костер и покрыть его листьями, травой или лапником для образования густого дыма. Костер покрывается сырым полотнищем, которое держат за концы 2—4 пионера. Сняв полотнище на два счета и снова закрыв костер, мы дадим небольшое облако дыма—точку, сняв его на шесть счетов—большой клуб дыма—тире. Промежуток между вспышками—четыре счета.

Ночью мы можем сигнализировать фонариком или костром. Фонарик должен иметь только одну стеклянную стенку. Показывая свет огня на два счета—покажем точку, на шесть счетов—тире. Промежуток—четыре счета. Очень удобен карманный фонарик. Можно сигнализировать двумя фонарями, красным и белым, действуя так же, как и при сигнализации флагами.

Для сигнализации костром нужно сделать ширму из одеяла или полотнища, закрывающего костер со стороны передачи. Быстро опуская одеяло и поднимая его на те же счеты, которые указаны выше, мы сможем успешно сигнализировать.

Сигнализация семафором

Сигнализация семафором — самый быстрый способ сигнализации. Каждая буква показывается одним положением флагов. Это наиболее удобный и вместе с тем красивый способ. Он применяется во флоте для переговоров между судами.

(Подолжение см. 3 стр. обложки)

Главлит № А-1641. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово». Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 22500.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ	
На 12 м.—3 р. — к.	
„ 6 „ —1 „ 60 „	
„ 3 „ — „ 85 „	
„ 1 „ — „ 30 „	

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ
Москва, Нов. площадь, 6/8, Издательство „Молодая Гвардия“
Подписка принимается В Главной Конторе Периодических Изданий „Молодая Гвардия“, Москва, Тверская, 37

№ 21 НОЯБРЬ 1927 г.

Гости к Октябрю

Больше полутора тысяч рабочих делегатов приехало к нам в СССР на Октябрьские праздники. Специальные делегатские автобусы возят по Москве десятки делегатов, поезда уносят их в различные концы СССР

Сверху германские делегаты, в середине бельгийские делегаты, внизу слева делегаты франции, справа бельгийский делегат отвечает на приветствия

ДЖОН ВОРКМАН

Повесть ГАНСА ДОМИНИК
Перераб. с нем. М. ГЕРШЕНЗОН
Фотооформление Г. БЕРЕНДГОФА
(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ НОМЕРОВ

Чарли Бенерс, газетчик „Нью-Йоркского Герольда", получил от своего дяди Т. Б. Смита рекомендательное письмо к заведующему экспедицией „Герольда" — Гарриману. Чарли Бенерс болен воспалением легких. Один из его товарищей, тоже газетчик — Джон Воркман — похищает у больного Чарли письмо. Когда Чарли умирает, Джон отправляется с письмом к Гарриману. Старик обласкал его и обещал устроить на работу через редактора газеты м-ра Беннета. Беннет устраивает его постоянным газетчиком на жалованье и дает ему записку, в которой предлагает всем своим служащим знакомить Джона с производством. Газетчик Билль Смит чуть-чуть не попался в краже кошелька на улице. Несмотря на то, что ему удалось удрать, его заметили и следят за ним. Заставив Джона сознаться в том, что он использовал чужое письмо, Билль предлагает Джону за сохранение тайны выручить его и сознаться в краже кошелька. Джон не согласен. Тогда они уговариваются подбросить кошелек Саму—тоже газетчику. Во время обыска у Сама подброшенный кошелек был найден. Во время схватки Самом был убит Билль Смит и ранен Джон Воркман. Это событие создало Джону славу. Он задумал сделаться репортером. Изобретательный Джон устраивает общежитие для газетчиков. Это приносит ему постоянный доход и нелюбовь газетчиков, из которых он выкачивает этот доход. Джон решает отправиться на Запад делать карьеру. По дороге он знакомится с Фредом, едущим работать на фермы. Ребята доезжают до станции Спрингсхилл. Но от станции до места их работы 150 миль. Туда проложена узкоколейная дорога. Фред и Джон находят старую дрезину и отправляются. В прерии пожар. Ребята погибли бы, если бы не догадались поставить самодельный парус, который вывез их из огня.

Сам, убивший Билля Смита, убежал из тюрьмы. За его поимку назначена награда. По дороге на ферму Джон находит почти обугленного Сама и выдает его полиции. Лето и зиму Джон работает на ферме. Следующей весной Джон уезжает в Чикаго; там он поступает работать на знаменитые Арморовские скотобойни. На бойнях вспыхивает забастовка. Джон Воркман становится в ряды штрейкбрехеров. Благодаря его предательской работе спасены холодильни завода. Благодарная Джону дирекция хочет отблагодарить предателя. Но Джон просит только разрешения осмотреть заводы для того, чтобы описать их в газете.

Трудно себе представить более отвратительное место, чем Арморовские заводы. Рабочие работают в ужасных условиях. Армор по дешевке покупал больной скот и из изъеденных язвами животных выделываются консервы, во время работы в машины попадают даже крысы. Известный писатель Синклер разоблачает тайны Арморовских заводов. Тогда дирекция выпускает Джона с опровержением. Джон с успехом выполняет эту подлую работу.

Джон попадает в Бюро тейлоризации Фордовских заводов.

ГЛАВА 4

Улица в стране кино

Рослый парень, косая сажень в плечах, ввалился в лабораторию. Это был шофер, который пришел на испытание. Первым долгом он вытащил из кармана целую пачку рекомендаций. Экзаминатор взял их у него, но даже не заглянул в них; вежливым кивком головы он пригласил шофера усесться в большой автомобиль, стоявший посреди зала.

— Я поеду с вами,—сказал он шоферу и сел рядом с ним у руля.

Вдруг стена впереди автомобиля исчезла. Вместо нее появилась широкая, прямая улица. Посреди—трамвайные рельсы, по бокам—тенистые деревья.

— Поезжайте вдоль улицы, — сказал экзаминатор шоферу,—и смотрите, езжайте так, будто едете на самом деле. Если кто попадется на дороге — давайте сигналы, а скорость возьмите такую, как обычно.

— Чорт возьми! Коли на то пошло, я разнесу эту стенку вдребезги!

С этими словами шофер дал газ, и улица запрыгала перед глазами. Пленка кино-аппарата двинулась с места и побежала. Деревья понеслись мимо автомобиля, и шофер развил еще большую скорость.

— Что за дьявол! Куда ж делась эта проклятая стена?

Но скоро ему пришлось забыть о стене—на улице появился народ. Править стало труднее. Раз— автомобиль рванулся вправо, чуть не случилась беда. В самую последнюю минуту шофер успел затормозить и взять в сторону. Мальчишка, перебегавший улицу, выскочил из-под колес автомобиля.

— Ах, чтоб тебя! — выругался шофер.

Джон Воркман сел за руль

— Вам нужно чаще давать сигналы,—сказал инженер, сидевший рядом с ним.—Дойдет дело до суда, всегда хорошо, если можешь сказать, что во-время подавал сигналы.

Когда шофер сворачивал в переулок, навстречу ему выкатился тяжелый грузовик с двумя прицепными платформами. Шоферу на мгновение пришлось остановиться—дорога была совершенно запружена.

Снова тронулся автомобиль, обгоняя трамваи, ныряя в толпах народа, задерживаясь на перекрестках.

— Здесь возьмите влево,—сказал инженер. Широкая, красивая улица осталась позади, автомобиль запрыгал по узкому переулку, где едва можно было раз'ехаться двум машинам. Дети копошились на мостовой. Куры и свиньи норовили попасть под колеса. Дома стали попадаться реже, улица превратилась в шоссе.

— Теперь наб'ирайте духу,—засмеялся инженер. Шофер дал полный газ, указатель скорости остановился на 90, и шоссе со страшной быстротой понеслось автомобилю навстречу. Крах. У шофера помутилось в глазах. Он налетел на канаву,—здесь надо было итти медленным шагом. А потом... По обе стороны шоссе появились кучи булыжника, приготовленного для починки дороги. Пришлось виться между ними змеей. А едва дорога стала шире, и снова с 50-ти скорость возросла до 90,—справа показался крутой обрыв, слева—отвесная скала, а посреди дороги—большое стадо коров. Ловко затормозив, непрерывно сжимая баллон сирены, шофер провел машину сквозь стадо; крылья автомобиля задевали и расталкивали в стороны коров. Вдали показалась насыпь.

— Сейчас подойдет поезд,—сказал инженер.—Гоните во-всю, чтобы мне не опоздать.

Мимо промелькнула деревня, вдали, над полотном, видны уже были дымки паровоза.

— Остановитесь у вокзала.

Перед маленьким зданием станции автомобиль остановился. В то же мгновение исчезло полотно, исчез вокзал. Автомобиль, как и прежде, стоял посреди залитого электричеством зала, а в шести метрах перед ним была белая стена, по которой только что прошли все эти чудеса.

Шофер выпучил глаза и схватился за голову.

— Бог ты мой! Куда же делся вокзал?

Инженер засмеялся.

— Был, да весь вышел. Теперь вы подождите минут пятнадцать, я скажу вам, можем ли мы принять вас на работу.

Шофер вышел в другую комнату.

Джон Воркман, который все время находился в зале и не сводил глаз с экрана и с неподвижного автомобиля, увидел теперь, как инженер вынул из глубины автомобиля круглый обтянутый бумагой металлический барабан. Он вышел вместе с инженером в соседнюю комнату. Там экзаминатор снял с барабана бумажную ленту. Извилистые красные линии по всей длине бороздили бумагу. А рядом с ними бежали линии, начерченные карандашом. Почти всюду они скользили, тесно прижавшись к отпечатанным красным кривым, точно повторяя все их изгибы и извилины. Только в трех местах карандаш круто уклонился от красных линий.

— Видите, в первый раз это было здесь,—сказал инженер Джону.—Если бы карандаш отклонился еще на 3 миллиметра влево, до этой вот красной линии, мы бы не могли взять шофера на службу; он задавил бы мальчишку. Посмотрим еще его рекомендации.

Знакомые уже ему места понеслись мимо него

Отзывы о прежних службах шофера были хороши. Он исколесил на машинах различных фирм чуть не весь свет, имел большой стаж и опыт. Экзаминатор взял учетный листок и заполнил его.

Джон, не стесняясь, смотрел через плечо.

«Шофер Вильям Филипс был обследован в психотехнической лаборатории завода Форда, причем показал: быстрота реакции—0,95; утомляемость: 0,92...»

Дальше было еще несколько граф, цифры рябили в глазах. Окончательный вывод по всем графам вместе дал 0,97.

— Самое высшее, чего можно достигнуть,—пояснил инженер,—это полная единица. Это—идеал, но таких шоферов, конечно, не бывает. Мы принимаем шоферов, начиная с 0,80. Этот парень показал поразительные способности. 0,97—это без малого единица.

Инженер вместе с Джоном Воркманом вышел из комнаты.

— Алло, сэр, получите ваши бумаги.

— Вы берете меня, сэр?

— На высшую ставку, друг мой. Вот ваши рекомендации. Вот учетная карточка нашей лабора-

тории. Идите сейчас же в бюро личного состава и завтра приступайте к работе.

— Олл-райт, сэр. Всего доброго, сэр.

Джон Воркман вернулся с инженером в зал испытаний. Инженер нес барабан, обтянутый новым листом бумаги.

— Эти красные линии показывают, как работал отличный шофер во время настоящей поездки. Кино-оператор сидел с ним и снимал улицу. Каждый маневр примерного шофера отмечен этими красными линиями. А все движения того парня, что только что экзаменовался, отмечались простым карандашом на этом вот самом барабане. Скорость, с которой движется фильма в проэкционном фонаре, все время управляется рукою парня, сидящего в автомобиле: чем скорей он пускает свой автомобиль, тем скорей несется ему навстречу картина. О, это прехитрая штука! Ясное дело, металлический барабан вертится все время с такой же быстротой, как и фильма, так что карандаш при хорошей езде будет всюду совпадать с красными линиями.

Джон внимательно выслушал об'яснения инженера.

У меня к вам большая просьба, сэр. Мне хочется тоже прокатиться в этом автомобиле.

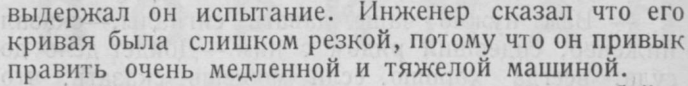
— А вам случалось держать в руках руль?

— Я правил только трактором. Но все-таки я бы хотел попробовать.

Инженер посмотрел на часы.

— Следующее испытание назначено через 25 минут. Если вы поднажмете, мы пожалуй еще успеем.

Джон Воркман сел за руль, и знакомые уже ему места понеслись мимо него. Он работал, закусив губы, и в 20 минут проделал всю дорогу до вокзала. Потом, вместе с инженером, стал рассматривать кривую своего пути. С большой натяжкой выдержал он испытание. Инженер сказал что его

кривая была слишком резкой, потому что он привык править очень медленной и тяжелой машиной.

— Когда вы с грузным трактором хотите обойти препятствие, вам приходится круто поворачивать руль; вы описываете тогда правильную дугу. А если вы так рванете руль на легковой машине, она разом прыгнет в сторону. Попробуйте вы так лететь на настоящей машине, вы через десять секунд врезались бы в стены домов.

Джон задумался, прищурив глаз.

— Почему же при пробной поездке мне не показалось, что я налетел на дом?

Инженер усмехнулся.

— Вот это, молодой человек,—недостаток, который надо бы устранить. Как бы шофер скверно ни работал, на картине кажется, что он справился со всеми трудностями. Только по кривой видно, каких он там натворил чудес. А, конечно, хорошо бы, чтоб это было и на картине. А то иной раз ругаются люди—и зря.

— Да, мне и то пришлось уже слышать, как вас честят.

— За строгий отбор. Из десятка один пойдет на работу, а девять—не пригодны для производства.

— Где вы берете столько желающих?

— У нас большой выбор,—засмеялся инженер,—голодных всегда достаточно.

ГЛАВА 5

Ассистент ботаника

Полгода уже работал Джон Воркман в бюро, которым заведывал мистер Эванс. Он знаком был теперь со всеми тремя отделениями бюро. В одном производились психотехнические испытания рабочих; в другом вырабатывались новые типы инструментов и орудий, а третье отделение непрерывно наблюдало за различными предприятиями Форда, улучшая и удешевляя все производство.

Ежедневно прямо из бюро Джон отправлялся в заводскую библиотеку. Он учился до поздней ночи, глотая книгу за книгой. Для семнадцатилетнего юноши это был трудный режим. Щеки у него провалились, под глазами появились круги.

Мистер Реппингтон видел это и покачивал головой. А мистер Эванс однажды сказал:

— Мальчику надо передохнуть. Чтобы вам взять его с собой, мистер Реппингтон? Озера, свежий воздух,—он живо поправится.

— А, правда, сэр, это мысль.

Три дня спустя Джон был уже на берегу Гурона и шагал вместе с мистером Реппингтоном по узеньким улицам городка Бэйситти.

Позвольте, молодой человек, вооружиться сеткой

— Профессор ботаники Гарвардского колледжа,—отрекомендовался мистер Реппингтон в маленькой гостинице. — А это — мой молодой ассистент.

Джон выпучил глаза и прикусил язык. Еще больше он удивился, когда, войдя в номер гостиницы, Реппингтон принялся распаковывать свои вещи: папки с пропускной бумагой для засушки растений, сетка для бабочек, какие-то банки и склянки.

— Для чего вам вся эта дрянь?— не вытерпел Джон.

Реппингтон засмеялся.

— Как же, ботанику без этого нельзя. Извольте, молодой человек, вооружиться сеткой.

Озеро лежало неподвижно, точно туго натянутый голубой шелк. По берегу—голая пустыня. Двадцать лет назад здесь простирался дремучий древний лес. Лес, который видел индейцев, видел битвы гуронов с делаварами. Потом пришли дровосеки и начали валить деревья. Глубокая зарубка, визг пилы, удары молотов по клиньям — и могучий ствол падал, распластав по земле зеленую громаду. Высокие пни, в добрый метр, торчали повсюду, на сколько хватало глаз, точно кости погибшего леса. После долгой ходьбы Реппингтон остановился. Это место показалось ему удобным для постройки большого авио-завода.

— Ну, к городу нам придется первым долгом проложить хорошую дорогу. А пока ее нет, нужно смотреть в оба.

С этими словами инженер снял с плеча двустволку.

— Держитесь возле меня, молодой человек. Это вам не Бродвэй.

Медленно шли Реппингтон с Джоном по мягкому, упругому мху. Дикий кролик выскочил из-под ног и исчез под вывороченными корнями пня. Ящерицы сновали по почерневшим колодам, греясь в слабых лучах сентябрьского золотого солнца. Только что успел Джон заметить в двух шагах впереди себя колкий, щетинистый шар ежа, как Реппингтон вскинул к плечу ружье, и грянул выстрел.

Еж свернулся еще туже, шар стал меньше, а рядом с ним забилась изорванная дробью гремучая змея.

Джон бросился было к ней, но Реппингтон схватил его за руку.

— Сохрани бог, она может укусить сейчас не хуже, чем живая.

— Это правда, что ее укус смертелен?

— Не всегда. Если успеть перевязать ногу или руку повыше укуса, туго перетянуть, а потом перекрестить ранку ножом, чтобы вышло побольше крови,—можно спастись. А лучше всего—высосать кровь из раны ртом, вместе с нею выйдет и яд.

Как-то вечером мистер Реппингтон сидел в гостинице, в своем номере, за столом. Подробная карта Бэйситти покрывала стол, точно скатерть. У самого берега красными чернилами был заштрихован участок приблизительно в два квадратных километра. Реппингтон аккуратно вычерчивал рейсфедером линии, по **которым** должна была пройти дорога от завода к городу. Джон стоял у стола и смотрел, как работает инженер.

Реппингтон вычерчивал линии, по которым должна была пройти дорога

— Скажите, мистер Реппингтон,— спросил он,—разве здесь запрещается снимать карты?

Инженер поднял глаза на Джона.

— Что за странный вопрос?

— Я все хочу спросить вас, чего ради ломаем мы кукольную комедию? Зачем вы строите из себя профессора, а я оруженосца? Будто мы прячемся от людей.

Мистер Реппингтон откинулся на спинку кресла и звучно рассмеялся.

— Ну-ну, мой мальчик, видно, у вас еще молоко на губах не обсохло. Вы ведь знаете, зачем мы сюда приехали?

— Кажется, так, сэр. Если я правильно понял— подготовить место для постройки авио-завода.

— Совершенно верно. Допустим теперь, приехали бы мы сюда и подняли звон во все колокола, дескать, мистер Форд собирается здесь... и так дальше. Что бы из этого вышло?

— По-моему, всякий был бы рад. В городе стало бы больше работы.

— А по какой цене мы купили бы землю?

Джону краска ударила в лицо. Он сразу понял, какую сморозил глупость. Конечно, если владельцы земли узнают, что земля нужна Форду, они заломят неслыханную цену.

— То-то, молодой человек. Не обессудьте, вина не моя, что вам пришлось две недели пробегать с сачком и с пропускной бумагой. Здесь дело оказалось трудней, чем я думал. Тот участок, что мы облюбовали, принадлежит не частному лицу, а городу. Боюсь, трудно будет за него ухватиться. На всякий случай, нужно пощупать в другом месте.

— Куда ж вы думаете двинуться?

— Я решил с'ездить на водопады. Пробудем там до воскресенья, а потом поедем в Детройт. Авось, набредем на что-нибудь лучшее. Из Детройта можно будет послать агентов, они совершат сделку.

— Алло, профессор,—показалась в дверях седая голова хозяина,—успешны ли ваши экскурсии?

— О, да,—ответил Реппингтон,—я отыскал двенадцать неизвестных видов мхов и лишайников. Но все-таки завтра мы с моим молодым другом собираемся поехать на водопады. Если вас не затруднит, приготовьте нам к утру счет.

— Будет сделано, сударь.

ГЛАВА 6
Ниагара

В отвесную скалу вбиты железные балки, а на них положен деревянный настил. Узенький мостик, точно балкон, прижался к скале и повис над пропастью.

Джон Воркман и Реппингтон стояли на этом дрожащем мостике, впившись руками в железные перила. Густое облако водяных брызг висело в воздухе; говорить нельзя было—грохот и гул заглушали слова. Стеклянная стена—едва прозрачная толща падающей воды—висела перед ними. Они были под Ниагарой.

Река, шириною в 300 метров, низвергалась со скалы высоко над ними и, пролетев по воздуху 50 метров, обрушивалась в клокочущую бездну.

Как забрались сюда люди впервые, как удалось им проложить дорогу между наклонной стеною скалы и отвесной водою?

Солнце выглянуло из-за тучи и со всею силой ударило по водопаду. Водяная стена засверкала, точно изумруд, и тысячи радуг повисли в брызгах.

Мистер Реппингтон с Джоном стояли под водопадом, пока не почувствовали, что сырость пронизывает их до костей. Тогда они вернулись к берегу и сдали сторожу резиновые плащи. Здесь было тише, но все же голова кружилась от шума. Водопад вздымал гигантские фонтаны. Причудливо играя, пеной и красками взлетали вверх потоки воды.

— Шестьдесят лет назад,—рассказывал человек, стоявший рядом с ними,—нашелся смельчак, Шарль Блондэн, который перешел через Ниагару над самым водопадом по проволоке, да еще катил перед собой товарища в тележке. Вот нервы.

— Ну, завтра будет почище,—отозвался другой,—парень сядет в бочку и поплывет по Ниагаре вниз, прямо по водопаду.

— Ну, и пропадет ни за грош. Не сомневайтесь, не быть ему живу. Сколько их уже перетонуло. Конечно, всякому лестно отличиться, а только по мне—голова дороже.

Джон знал уже из газет о том, какое готовится зрелище. Он прочел уже об этом новом смельчаке, бывшем артисте Сюлливане, десятки статей, он видел десятки его портретов—в костюме, в трико, в бочке, без бочки.

— Надо будет завтра притти посмотреть, это должно быть очень интересно,—сказал Джон Реппингтону, когда они подходили к отелю.

Мистер Реппингтон пожал плечами.

— Все равно ничего не увидите. Промелькнет бочка—и все. Скорей всего она снова всплывет на поверхность метрах в 500 ниже по течению; и все будет зависеть от того, выловят этого чудака вовремя или нет. Выловят—хорошо. А нет—в пяти километрах отсюда его засосет в водоворот. Попади он в эту воронку—поминай, как звали. Его может кружить там дни, недели, месяцы. Ну, да что ж, у нас впереди еще двое суток, сходим, пожалуй.

Ему нужно было держаться за стену иначе он не удержал бы равновесия

После обеда мистер Реппингтон снова нарядился ботаником, вооружился папками с гербарием, коробкой для растений, склянками. По электрической железной дороге поехали они вверх по реке, до озера Онтарио; сошли на берегу, на полудороге к Олькотту, и здесь долго бродили, то-и-дело останавливаясь и справляясь по карте. В нескольких местах Реппингтон нанес на карту зеленые линии и один только участок заштриховал красным карандашом.

Солнце было уже низко, когда они повернули назад. В сумерки добрались они до поезда и поздно вечером вернулись в отель.

— Если в Бэйситти город заупрямится, мы прекрасно устроимся и на Онтарио,—сказал Реппингтон на обратном пути. Этой ночью Джон не сомкнул глаз. Он увидел перед собою богатство и понял, что богатство это в его руках. Инженер тоже долго не спал и ворочался с боку на бок, ему мешал грохот и гул водопада. Когда Джон, наконец, услыхал мерное похрапывание своего спутника, он, вглядываясь в темноту, осторожно спустил ноги с кровати. Бесшумно, как привиденье, подошел он к столу. Он так тихо и легко касался босыми ногами пола, что ему нужно было держаться за стену, иначе он не удержал бы равновесия. Медленно развернул он свернутую в руло карту и чуть-чуть отодвинул краешек шторы. Серый, сизый рассвет заглянул в окно, и бледный пучок лучей упал на стол. Напрягая до боли зрение, Джон отыскал на карте заштрихованный карандашом участок и едваедва разобрал цифры—широту и долготу. Бумаги под рукой не было, и Джон записал эти цифры на конверте полученного от матери письма. Потом развернул другую карту,—там было два участка, и он записал положения обоих.

Мистер Реппингтон спал, как убитый, и Джон благополучно добрался до кровати. Голова у него горела, кровь стучала в висках.

Щелка между окном и шторой становилась светлей и светлей; вот уже пылинки заплясали в широкой золотой полосе.

— Ох-ох-хо!—потянулся мистер Реппингтон и открыл глаза.—Как вам спалось, мой юный друг?

— Хорошо, сэр,—ответил Джон, перекидывая через плечо полотенце.

В девятом часу утра они были уже на острове посреди Ниагары. Отсюда течение реки и водопады были как на ладони. Черные толпы людей тянулись к острову со всех сторон—из Буффало, Эри, Клевеланда, из Рочестера и Освего приносили их поезда. С Канадского берега—из Сант-Томаса, Стратфорда и Торонто. Сотни тысяч народа стекались к могучему водопаду.

— Десять долларов против одного, что не выйти ему живым из бочки!—крикнул кто-то около Джона Воркмана.

— Десять против одного,—идет?

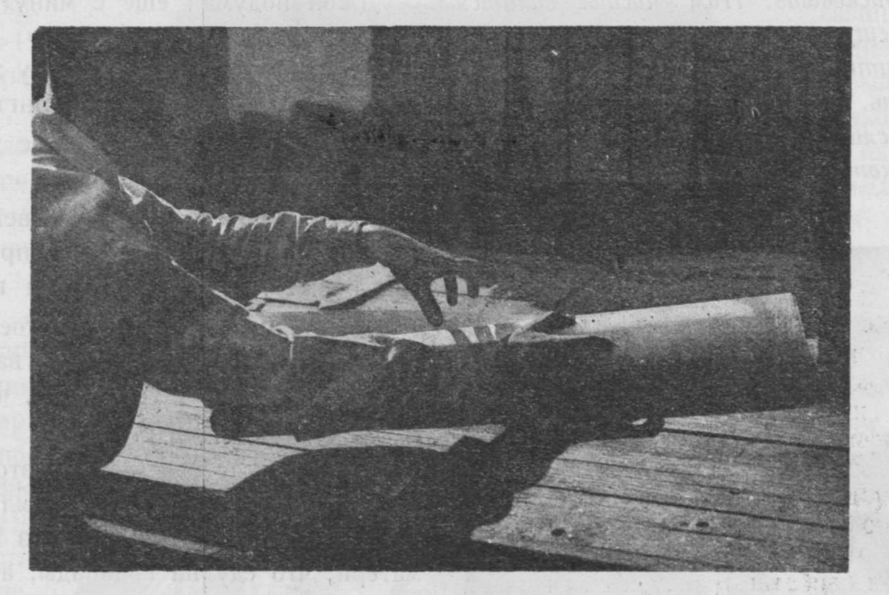
— Двадцать против одного.

— Ставь хоть тысячу. Нет интереса играть, все одно потонет.

— Чего там потонет? Бочка—во: каждая клепка в три пальца.

— Сказал тоже—клепка!

— Идет, один на десять?

Медленно развернул он свернутую карту

Удар колокола—в четырех километрах выше бочку спустили на воду.

Мистер Реппингтон вынул хронометр, и Джон Воркман взглянул на циферблат. Над городком взвился американский флаг.

Время ползло медленно.

— Десять минут одиннадцатого... Одиннадцать минут... Двенадцать минут...

Гул криков и возгласов пронесся по толпе. Маленький синий лоскут показался над водою вверх по реке. Минута, еще минута. Коричневое брюхо бочки блеснуло на солнце. На нем палка, а на палке—звезды национального флага.

В 100 метрах от острова бочка задержалась, будто в нерешительности,—справа обойти остров или слева, ринуться к американскому или канадскому водопаду. Потом рванулась вправо и пошла, и пошла.

Тысячи глаз вонзились в маленький синий флажок. На мгновенье ока задержалась бочка на краю водопада и ухнула, исчезнув в кипящей пене. Все старались увидеть, когда всплывет она на поверхность; но облако брызг и фонтанов, висевшее впереди водопада, скрывало течение реки от глаз. Теперь видней было тем, кто стоял ниже, и скоро оттуда донесся крик многих тысяч голосов: бочка вынырнула из воды.

Снова трепет прошел по толпе, и Джон понял, что моторная лодка успела перехватить смельчака у порога могилы, у самого водоворота.

На время крики толпы заглушили шум водопада. Бочка была открыта, Сюлливан был в обмороке, но жив.

— Ура Сюлливану, укротителю Ниагары!—волнами раскатывалось по толпе, то затихая, то приближаясь, то снова взмываясь выше фонтанов и брызг водопада. Пошла расплата по ставкам; брань проигравших и радость удачливых игроков сменили крики «ура». Миллионные суммы ходили по рукам, карманникам было раздолье.

Много часов прошло еще, покамест толпа поредела и Джон Воркман с мистером Реппингтоном смогли выбраться с острова и вернуться в отель. Охрана моста пропускала народ небольшими кучками, потому что подвешенный на канатах мост мог не выдержать огромной перегрузки.

Только к двум часам вошли они в вестибюль отеля, и швейцар подал Джону Воркману телеграмму.

Она получена была от «Нью-Йоркского Герольда», ответ был оплачен на тысячу слов, и Джон немедленно должен был послать сообщение о плавании Сюлливана. В начале четвертого Джон передал телеграфисту последний листок статьи «специального корреспондента».

ГЛАВА 7
200.000 : 2 = ?

«...Будь совершенно спокойна. Я очень осмотрителен и знаю, что делаю. Такой случай бывает только раз в жизни. Городская община в Бэйситти потребовала от мистера Реппингтона точных данных о том, для какой цели нужна земля. Сказать, что земля нужна для постройки завода Форда, нельзя—они заломят неслыханную цену. Остается одно—купить участок на берегу Онтарио. Здесь есть единственное пригодное место, и ясно, что Форд остановится на нем. 200.000 долларов его не испугают, а я не сомневаюсь, что мне удастся купить участок за 100.000. Я вчера, когда отлучался на

телеграф, чтобы сдать статью для Герольда, кое-что успел выяснить. Реппингтон удивился, что я проторчал на телеграфе с трех часов до десяти, но я сказал, что возился со статьей. Наших 5.000 вполне хватит для задатка.

Отыщи среди наших газетчиков Нэда,—знаешь, долговязый пьяница, я не помню фамилии. Это балда, из него можно вить веревки. Бери его в охапку, брось все и приезжай сюда. Имей в виду, что договор на покупку земли нужно заключить на его имя. За полсотни долларов он согласится откусить себе не только язык, но всю голову.

Ты будешь говорить, что я сумасшедший. Имей в виду, что я прекрасно понимаю, чем мы рискуем. Но мы должны рисковать. Нам счастье валится прямо в рот. Я спешу кончить письмо, потому что сейчас должен притти Реппингтон. У меня явилась еще одна мысль. Может быть, лучше не начинать с Нэдом. Если ты можешь убедить своего брата Эдварда, который к нам приезжал с Запада, бросить на две недели свои дела, это будет гораздо лучше. Я очень боюсь, чтобы эта история не открылась, я не намерен рвать с Фордовскими заводами. Если дядя купит участок и потом продаст его Форду, подумают, может быть, что я разболтал, и только,—ведь его фамилия не Воркман, а Винстон. Не жалей денег на телеграммы; если будешь посылать мне, шли до востребования. Мы здесь задержимся еще на три дня. Реппингтон выясняет что-то насчет возможности использования Ниагарской силовой станции. Крепко целую, мама. Будь решительна и ничего не бойся. Это—последнее твое испытание. Твой сын Джонни.

Боже мой, вдруг ты не знаешь адреса дяди!».

Они были на острове посреди Ниагары

Джон подумал еще с минуту, прежде чем заклеить конверт.

— Что это вы за переписку завели, мой друг?—шутливо спросил мистер Реппингтон, входя в комнату.

Джон смутился, но тотчас же протянул инженеру конверт.

— Это моей матушке,—ответил он, смеясь,—она у меня трусиха: как неделю просидит без письма, так решает, что я умер или попал к людоедам.

— Ну, матушка—это другое дело. А то я, признаться, обеспокоился, когда вам подали телеграмму от «Геральда». Вы знаете, что наше пребывание здесь—тайна.

— Вы можете мне не повторять этого, мистер Реппингтон. Я никогда не был болтуном. А с газетой—чистая случайность. Из Бэйситти я черкнул матери, что еду на водопады, а она встретила мистера Бернса, нашего редактора, и ему рассказала об этом. А мистер Бернс никогда не зевает.

— Ну, это не беда, вряд ли кому-нибудь придет в голову связать ваше имя с делами Форда,—махнул рукой Реппингтон.—Ну, теперь собирайтесь, пойдемте смотреть силовую станцию.

РЕБЯТА!

„ДЖОН ВОРКМАН“ КОНЧАЕТСЯ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ. ДОЧИТЫВАЙТЕ И ШЛИТЕ СВОИ МНЕНИЯ О ПОВЕСТИ В РЕДАКЦИЮ. ПИШИТЕ НРАВЯТСЯ ЛИ ВАМ ПОВЕСТИ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ. ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ЧИТАТЬ ТАКИЕ ПОВЕСТИ В БУДУЩЕМ ГОДУ.

ОКТЯБРЬ В ЯНВАРЕ

Воспоминания пионера ХУСАИНА БЕЛЯЕВА
Рисунки художника Б. ПОКРОВСКОГО

1

Бой был в разгаре. По Московской улице уже горело несколько магазинов. В магазинах засели казаки. Они без остановки стреляли из пушки и пулемета в крепость. Красногвардейцы со своими винтовками тоже стреляли. У противника были пушки и пулеметы, а у наших и винтовок нехватало. Портовые рабочие приготовили пики. Бой начался в 3 часа ночи 12 января 1918 года.

На заборе крепости, лежа, стреляли наши. Мальчики лет 14—15 бегом подавали патроны из ящика.

— Эй, Колька, давай скорей сюда патроны, вон я одного с крыши вышиб: смотри, как падает!

Действительно, с крыши слетел казацкий пулеметчик. Мальчики подавали красногвардейцам патроны. К полудню бой утих, обе стороны отдыхали. На колокольне крепости стоял часовой с пулеметом.

2

Красногвардейцы и мальчишки собрались в кучу и стали есть с черным хлебом кашу из котелка.

— Ребята! — сказал один красногвардеец,— давайте зажжем магазин с казаками.—Магазин был против крепости. На верхнем этаже его помещался кино-театр «Искра».

— А кто пойдет, кто будет рисковать жизнью?

— Я!—крикнул Хасян из Царева, мальчик лет четырнадцати.

Командир ударил по плечу Хасяна, потом поцеловал его и сказал:

— Ладно, пойдешь, я тебе дам четверть керосина, ты зажги нижнюю дверь и балкон, а мы отсюда качнем из насоса керосин.

Хасян выстрелил в упор

Стала спускаться ночь, а из крепости был виден весь город Астрахань. По б. Московской (теперь Советской) улице горели дома и магазины. Пламя красными языками поднималось в небо. Слышно было, как с грохотом разрушались дома.

— Ну, Хасян, возьми,—подал четверть керосина командир.

Хасян тихонько вышел из крепости. Напротив крепости улица широкая; Хасяну нужно было пройти ее. Не дойдя до магазина, в котором находились казаки и который он должен был поджечь, он остановился на углу улицы.

«Какое место—дверь или балкон — зажгу сперва. Балкон, потом слезу и зажгу дверь»—думал он.

Он успел только взять спичку, как вдруг пуля со свистом пролетела мимо его уха. Он лег на тротуар, но следующая пуля сорвала с него шапку. Он скорей взял четверть с керосином, вылил половину керосина на дверь. Потом взял четверть, стал подниматься на балкон с четвертью в руках. Подниматься было очень трудно, да еще пули визжали, насилу поднялся, четверть положил на угол, сам хотел пройти через перила балкона, как вдруг дверь балкона открылась, оттуда вышел худой, длинный казачий офицер в зеленом мундире и погонах. Офицер выхватил револьвер и выстрелил в Хасянку, но револьвер дал осечку.

Хасян выхватил свой револьвер и выстрелил в упор. Офицер, раненый, упал на пол балкона. Хасян схватил керосин, вылил его на балкон и на дверь балкона и зажег спичкой, потом прыгнул вниз, упал, поднялся, схватил спичку и зажег ниж-

Некоторые с разбега кинулись вниз и больше не встали

нюю дверь. Сам, хромая, бегом пошел по направлению к крепости. При падении со второго этажа он сильно ушиб ногу.

3

— Ну, Петров, наверно Хасяна убили,—сказал командир.

— Да, его долго нет, парень был хорош.

Бой был в разгаре, казацкий снаряд попал в крепость, но много не повредил. Упало только несколько камней.

— Ай, ребята, смотрите!—крикнули хором Хусани и Ахмед,—магазин с казаками горит.

— Молодец Хасян, зажег!—крикнули другие.

— Ребята,—крикнул командир, —качай из бочки керосин.

Сейчас же три красногвардейца стали качать керосин в горевший магазин, на ту сторону улицы. Балки, поддерживающие пол и потолок магазина, были красны от жара. Балкон, как факел, пылал. Язык пламени достиг уже верхнего этажа дома. В окнах были видны силуэты горевших казаков. Они бешено бегали то сюда, то туда; некоторые с разбега кинулись на тротуар и больше не встали.

Через некоторое время балкон с грохотом слетел вниз. Из горевшего магазина все еще стреляли казаки, желая хоть в последние минуты убить своих врагов—красных.

4

В руку Хасяна попала пуля. Весь в крови, он упал около стены крепости на тротуар.

Стало светать. Некоторые дома горели, некоторые дымились и с грохотом рушились.

Утром вышли из крепости и нашли лежащего без чувств Хасяна. Его перенесли в крепость, перевязали рану. К полудню он очнулся. Его стали расспрашивать. Красногвардейцы были в шинелях и в солдатских шапках, которые были все в дырках от казацких пуль. Хозяин сказал красногвардейцу:

— После тебя трех товарищей не стало. Казацкие пули убили Мишку, Кольку и татарина из Царева (Царев на окраине города). Мишка, умирая, говорил: «Молодец Хасян—спасает наших от казацких пуль». А Колька говорил: «Товарищи, не поддавайтесь, дружно идите вперед». С этими словами они скончались.

Хасян выслушал и заплакал, так как Коля взял его с собой в крепость и всегда относился к нему хорошо.

Из калиток крепости красногвардейцам провиант возить не было возможности, так как стреляли казаки. Хлеб и гречиху для каши возили через стену крепости—там была поставлена лестница. На улицах Астрахани было много убитых и раненых. Казаки отступали за город через Красный мост. Наши, все в рваных от пуль одеждах, бодрые и веселые, с оружием в руках наступали на казаков. Патронов было мало. В портовом заводе рабочие изготовили бронированный автомобиль. Попробовали, выстрелили из винтовки в стену автомобиля—пуля берет, значит, не годится. Сделали другой, выстрелили—хорош, пуля не берет.

— Ура! Ура! Ура!.. Наша возьмет. Айда на казаков!—кричали портовые рабочие.

22—23 января казаки, узнав, что рабочие устроили бронированный автомобиль, испугались, как бы рабочие не пришли к ним,—положили поперек улицы телеграфный столб. Но наши этого не боялись: выйдут тихонечно незамеченными, уберут столбы с дороги и опять наступают. Красноармейцы взяли у казаков несколько пушек и пулеметов.

5

Днем, когда стрельба утихла, мы с братом Исмаилом вышли во двор и собрали много пуль. Во дворе хозяйка нашей квартиры, которая жила тогда в своем доме, просила бога, чтобы победили казаки, но, видимо, «бог» дал ей шиш. Хозяева напоили

казаков; в результате вышло то, что они чуть не убили их сына Митю. Это было, кажется, 22 января,—я смутно помню, так говорит моя мать:

«Митя вышел на улицу, а к нему со штыком прямо идет казак.

— Остановись! Эй, красногвардеец, да?!—а сам все ближе, ближе.

Митя стал бледен.

— Н-нет, я фронтовик.

Он обманул казака.

— Фронтовик? Так иди к белым в казармы (через Красный мост), запишись в наши ряды,—сказал казак, сверкая недоверчивыми глазами, и ушел. А Митя скорее домой».

Товарищ моего брата Андар—тоже красногвардеец, мне рассказал недавно:

«Я вышел на улицу и хотел итти к вам. Дошел до Демидовской улицы, как вдруг с револьвером в руках остановил меня калмык, с белой повязкой на руке; с ним было несколько казаков.

— Стой, гражданин, а то стрелять буду.

Я остановился.

— Ваш документ?

— Вот.

Я вынул солдатский билет и показал, сказав:

— К вашим услугам.

Калмык, видимо, был старшим среди казаков. Озлобленными глазами посмотрел на меня, потом посмотрел на своих казаков и крикнул:

— Взять его под надзор в казарму!

Два казака взяли меня и повели в казармы. В казармах было несколько человек из наших—красных».

Красногвардеец, стой!

6

В ночь с 23 на 24 января был сильный бой. Красногвардейцы гнали казаков по направлению к Красному мосту. Был сильный мороз. Ночь была чистая, на небе блестели миллионы звезд. Красногвардейцы все приближались к нашей Демидовской улице. Мы заткнули подушками окна, чтобы пуля не попала. Сами лежали на полу. Брата дома не было, он был в крепости красным артиллеристом. На столе у нас горела пятилинейная лампа, которая тускло освещала комнату. Вдруг к нам стали стучать.

— Кто там?—спросила мать.

— Красный. Дай немного воды, тетя.

Мать открыла дверь.

Через минуту наша комната была полна красногвардейцами. Мать поставила ведро воды и три чашки, у одной чашки не было ручки. Красногвардейцы стали пить.

— Сынок, скоро кончится война, а?

— Скоро, мамаша. Уже половина Астрахани наша. «Желтые брюки» (они так называли казаков) бегут.

Очистив винтовку, некоторые вышли. Несколько человек, скинув с плеча сумку с заплатами, взяли оттуда черный хлеб и стали есть его. Видимо, проголодались, воюя.

— Ну, спасибо, тетя!—крикнули они и вышли.

Мы слышали, как они наступали на казаков. Казаки под натиском красных отступали за кладбище. Около рассвета 24 января красные окружили казацкие казармы и освободили своих. Вышел и Андар, пробыв в плену полутора суток. Красные пленные с криками «ура» соединились с нашими и вместе наступали на казаков. Красногвардейцы с криками «ура» прошли через лед около Нового моста, чтобы окружить казаков с тыла.

Несколько сот казаков сдались без боя; с белыми флагами, с пением «Интернационала» перешли в руки красных.

25 января 1918 года город Астрахань был очищен от казаков.

7

Около 10 часов 25 января день был ясный. Мы вышли с братом Исмаилом на улицу. Смотрим, отряд красногвардейцев ведет пленных казаков. На лошадях собрали раненых и мертвых. По бывш. Московской улице стоял дым от сгоревших домов и магазинов.

КОМСОМОЛУ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Очерк ИЛЬИ ЛИНА

Московской организации комсомола минуло десять лет. „Хвостики"—так называли шутливо тогда комсомольцев—выросли в комсомольских стариков.

Пионеры должны знать историю комсомола и его теперешнюю работу. Наш журнал начиная с этого времени будет помещать больше материала о наших старших братьях—комсомольцах

Их я видел на-днях на вечере, посвященном 10-летнему юбилею московской организации комсомола.

Пока слушали приветствия, за кулисами собрались старые друзья—старики, комсомольские перваки.

Уселись в кружок и начали вспоминать.

О чем только не рассказывали?

Был у нас в городском районе клуб. В клубе том, помещавшемся на Рождественском бульваре, № 12, было пианино о трех клавишах. На этих клавишах комсомолец Пчелкин ухитрялся услаждать нас музыкой.

Но раньше до этого клуба наш райком помещался напротив—рядом с нынешней губпрофшколой. Там внизу был камин, и мы, получив от сердобольных «чоновцев» «военную» капусту, варили ее особым рационализованным способом в этом камине. Варили или пекли—не разберешь.

Хозяйственниками мы были тогда не очень хорошими.

Лазарь Шацкин рассказывал, как в один из предоктябрьских дней к городскому райкому, помещавшемуся на Сухаревской площади, подошла толпа хозяек с жалобой на дороговизну мяса и на то, что мясники взвинчивают цену.

Шацкин был тогда совсем юнцом, вернее, мальчишкой. И вот ему райкомом было поручено стать «внуторгом в сухаревском масштабе».

В мясе Шацкин понимал очень мало. Он честно сознался сейчас через десять лет, что он никакого понятия не имел о том, какая разница между говядиной и свининой. Результат его политики цен сказался быстро.

— Через десять минут на рынке не было ни мясников, ни мяса.

Это, разумеется, не мешало комсомольцам, тогда еще носившим не совсем как-будто бы ласковое название «хвостиков», служить большой помощью партии. Распространить ли билеты и литературу, подать воды Ленину или Бухарчику (Бухарину),—все это было делом «хвостиков».

Когда несколько десятков комсомольцев выделили в общемосковский штаб, они отправились на Мясницкую, 47, за обмундированием в интендантский склад. Юнкера их обстреляли, и все же обмундирование они достали.

Это повествование о том, как боролись за обмотку, вложил в красивые стихи наш комсомольский старик А. Безыменский.

На юбилейном вечере он рассказал в стихах о том, как у трех комсомольцев была одна пара штанов, как ребята в Октябрьские дни, чтобы выйти на улицу, вынуждены были конфисковать у какого-то старого рабочего шаль и скроить из нее штаны, ибо парень, носивший обыкновенную заветную пару, куда-то исчез.

Но Безыменский — не только поэт.

И он может рассказать о том, как мы воевали с начальником Главбума тов. Шведчиковым буквально за каждый листочек бумаги для газет.

Печатали мы нашу литературу чуть ли не на сахарной обертке.

И еще вспоминали ребята об исторических местах московской организации, о доме № 11 по Воронцовской улице, где находился до Февральской революции подпольный кружок молодежи.

Лазарь Шацкин дополнил эту справку небольшой подробностью. У Самотечной пл. на Троицкой улице есть дом, где висит дощечка, напоминающая о пребывании в этом доме комитета комсомола. Это не совсем верно. Дом этот принадлежал союзу металлистов, в подвале помещался райком партии, а комсомолу принадлежал сад. В этом саду не только решались политические вопросы, но многие спали в нем.

Если бы историю комсомола рассказывать картинками первых дней зарождения союза, в наших школах было бы куда веселее заниматься.

Вот Б. Трейвас, он руководил московским комсомолом сразу после гражданской войны. Он рассказал о двух фабзавучах.

Парень Самарин пришел в Москву без денег и без дела. Он шатался по улице голодный, пока не попал на Сухаревку. Там сердобольные люди спросили, что он делает, и узнав о его тяжелом положении, обещали дать работу. Его привели куда-то в Марьину рощу, накормили и после кормежки начали... бить. Самарин вначале не понял, в чем дело, потом, когда все это кончилось, его ввели в большую комнату, где стоял ряд манекенов, на которых были одеты мужские костюмы и пальто. На карманах этих манекенов висели бубенчики. Надо было пройти воровской фабзавуч—научиться вытащить бумажник или кошелек так искусно, чтобы ни один бубенчик не зазвенел. Это было очень трудно, и парня долго били во время науки.

Спас Самарина настоящий фабзавуч, организованный комсомолом. Через некоторое время этого парня встретили в трамвае, он уже работал инструктором после окончания настоящей школы фабзавуча. Он пригласил к себе в гости, добавив:

— Придете в общежитие, спросите меня, только не спрашивайте Васю. не знают меня там, так спросите Василия Алексеевича..

Эти Василии Алексеевичи из фабзавуча, сегодня в Апаковском трамвайном парке изобрели механический затвор передней дверцы трамвайного вагона, защищающий вожатого от простуды. Как далеко мы шагнули!

Вчерашний пианист на трех клавишах Пчелкин сегодня учится в музыкальном техникуме.

Был у нас в районе забавный парень, комсомолец-итальянец Чикалини. Он услаждал нас пением на

всех наших торжествах. Сейчас он обладает прекрасным тенором и учится в консерватории.

Наш родной Сашка Жаров, ведь он вчера был не только поэтом. Мы все его помним провинциалом из Можайска, откуда он был взят в МК в качестве заведующего отделом печати, помещавшемся на круглом золоченом столике о двух ножках. Таков был отдел.

Это было в те дни, когда мы еще отправляли ребят на фронты.

Мы каждый раз при разверстке в сто человек на вокзале насчитывали 120—130,—такова была прибыль, результат энтузиазма молодежи.

Если бы взять для сравнения нескольких стариков и сопоставить годы их работы и жизни за эти десять лет, получились бы поражающие факты.

Ведь нет почти ни одного, кто бы не учился, не кончил того или иного вуза. Многие учатся в Институте Красной Профессуры, Свердловке.

Ведь нынешний литературный критик и редактор журнала «На литературном посту» Леонид Авербах — наш комсомолец, из нашей редакционной семьи—«Юношеской Правды».

Заведующий Московского Истомола (Комитет по изучению истории ВЛКСМ) Гуревич, и тогда очкастый, начал свою литературную карьеру с издания стихов нашего комсомольского поэта Федьки Киселева, стихов, носивших жестокое название «Солнечный струг».

Можно было бы рассказать многое бодрящее, веселое из десятилетней жизни московской комсомолии.

На вечере в Колонном зале Дома Союзов Сашка Косырев, в первые дни организации комсомола — 13-летний паренек, появился в чистом и аккуратном костюме, в белом воротничке с галстуком. И это очень характерно.

Косырев—один из старейших ребят московской организации пережил с ней все тяжести голода и обмоток, холода и опорок.

На торжественном вечере он заявил:

— Раньше безграмотный парень мог быть лучшим революционером. А сейчас безграмотным социализм строить невозможно.

И это обязывает.

Накануне Октября меньшевики и эсеры упрашивали молодежь:

— Вы бы поменьше насчет политики, а побольше насчет культуры.

Мы успели в политике неплохо. Где вы меньшевики и эсеры, ау! Нет вас!

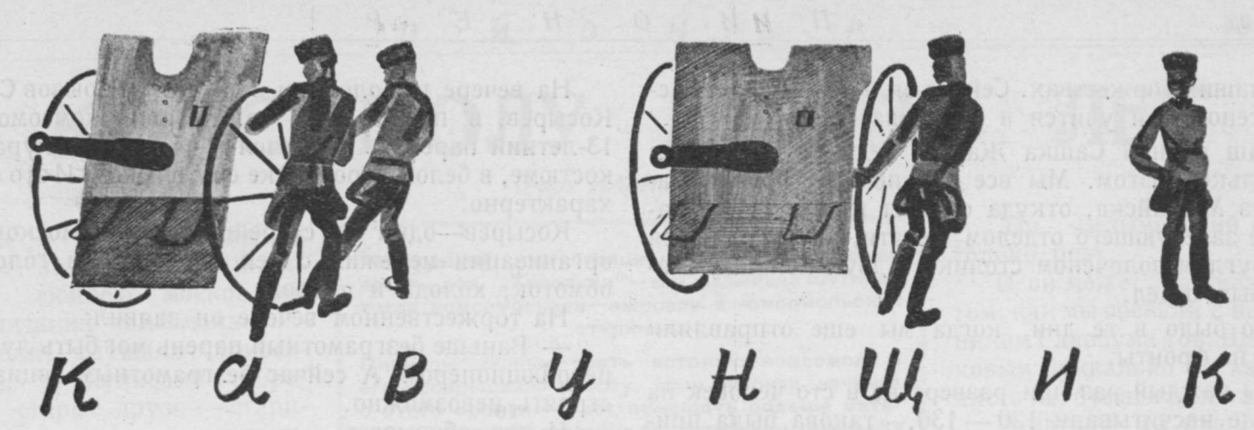
А насчет культуры, поглядите на Сашку Косырева—вот он живой пример и нашего политического и нашего культурного роста.

13-летний «сверчок»—как вспоминал председатель МГСПС тов. Михайлов — этот 13-летний «сверчок», Сашка Косырев, сегодня в кругу своих старых друзей руководит московской комсомолией.

«Хвостики» получили прекрасную закалку партии. Само название «хвостики» было ласково дано комсомольцам партийцами.

И это было самым приятным воспоминанием. И это то, чем могут гордиться старики-комсомольцы.

— Стоило бороться. Стоило побеждать.

КАВУНЩИК

Воспоминания Н. СОШНИКОВА

Рисунки художника А. БРЕЯ

В 1920 году, в августе месяце, на Кубани под командованием генерала Улагая высадился Врангелевский десант, с целью поднять восстание в казачьих станицах против советской власти или хотя бы получить там пополнение людьми. Но красные советские отряды разбили Улагаевский десант. Улагай еле унес ноги, понеся большие потери.

Васька Власов попал в батарею случайно, не то под хутором Степным, не то под станицей Ольгинской. В общем, тогда, когда Улагаевский десант двигался с Ахтырей на Тимашевскую.

Тогда-то наша батарея, вняв мольбам Васьки, посадила его на тачанку.

Итак, Васька, подобранный среди степи, чувствовал себя неловко. Он чувствовал себя «ничьим». Где «его отряд», он не мог сказать, хотя и намерен был непременно его найти и вернуться к своим. Как он отбился от своих, он не говорил. Должно быть сбежал во время боя или был послан куда-нибудь и заблудился. А может быть просто «свои» отослали его под каким-нибудь предлогом, чтобы спасти ему жизнь, потому что когда гибнут большевики, их первая мысль и забота о своей смене.

Васька с кавунами

В те дни, когда Улагаевский десант очищал от «краснопузых» станицы, много казаков и иногородних, бросив на разгром «куркулям» и «кадюкам» свои хаты, бежали в нашу часть, еще единственную тогда бившуюся против десанта.

Спешили соединиться с нами, но мало кто соединялся.

«Отряды» в 20—30 человек обыкновенно нагонялись белыми казаками и тогда уничтожались ими в неравном бою до последнего. Видно и Васька был из такого отряда.

Время было горячее, и за «работой» так его и не успели расспросить как следует. Сперва мы думали направить Ваську в обоз, но обоз, отступая в 3 раза быстрее кавалерии, был уже где-то под Тихорецкой, и Васька остался при орудиях. Таким образом он попал в «боевой расчет».

В конных батареях полагается по 11 номеров на 1 орудие с ящиком. Васька был назначен 12-м—«кавунщиком». Его обязанностью было бегать на бахчи за кавунами для того орудия, у которого он прижился. Он очень старался, но к сожалению не мог один тащить на батарею полный чувал кавунов, а пить всем хотелось. Жара стояла в 40°. Воды нет. Кавунами поили и коней.

Было забавно, когда Васька возился над чувалом и тащил его на позицию. Налюбовавшись на парня вдоволь, кто-нибудь отправлялся ему «помогать», т.-е. брал у него чувал и тащил сам. Тогда Васька спешил набрать кавунов в руки и возвращался галопом на батарею. Кавуны у него вываливались и разбивались. Он снова возвращался за кавунами. Ему не скажешь, чтобы он успокоился.

Сперва Васька ездил на пулеметной тачанке или на железной двуколке, потом на передке одного из орудий, где ездовые были татары. Надо сказать,

что если есть в батарее татарин, то он наверняка ездовой, потому что никто так не любит лошадей, как татарин. Васька тоже любил лошадей, по этой линии у него и создалась смычка с ездовыми. Он чистил коней, поил, задавал корм. По ночам раза 3 вставал посмотреть на них, не «читают ли газет», т.-е. не забыли ли задать им корм.

Интересно, что клички коней он запоминал быстрей, чем фамилии командиров.

Не прошло и 2 недель, как ездовые одели Ваську. У него были сапоги, галифе, кубанка, бурка и шашка. Ему нехватало только коня. В конной батарее все на конях, один он «пехота».

Васька уже не чувствовал себя неловко, он не был «ничей». Он принадлежал к составу «3-й конной», лучшей батареи на фронте. Васька «пойдет домой со всеми, когда разобьем кадета».

Во время боя он сидел позади своего орудия, держась руками за колени. Ему строго-настрого было приказано не путаться под ногами, не выражать вслух восторгов и прочих чувств и не вертеться, потому что бывали случаи, когда Василий лез «помогать товарищам», что во время боя вызывало справедливое негодование.

А ему хотелось быть «бойцом». Даже хотелось быть раненым.

Как-то он бежал от передков на батарею, вдруг упал. Потом вскочил, побежал, докладывает, что приказание исполнил (его послали с поручением— передать, чтобы подтащили лотки со снарядами), а упал он оттого, что контузило.

Или еще случай. Ночью в походе с шага пришлось взять в карьер. Васька пропал. Днем является с повязкой под носом и хромой. Говорит, что одна пуля «проехала по губе», другая попала в ногу. А сапог цел. Что же оказалось? Он слез со своего места и шел около орудия. Когда поскакали, вскочил на орудие. Держался за щит, ободрал нос, потом свалился и свихнул ногу. Хорошо, что не задавили.

Раз Ваську послали на соседнюю батарею. Та выехала на позицию. Он, конечно, с ней. Сидел сзади орудия, как всегда.

Неприятельская граната разорвалась сзади батареи, и из строя выбыл один Васька Власов. Он не был ранен, как ему хотелось. Был убит наповал.

Похоронили его чужие батарейцы с воинскими почестями. Пронесли его тело на шинели сквозь строй батареи. Отдали честь. Насыпали холмик, а командир батареи сказал речь и кончил ее так: «Если мы сами себя хоронить не будем, то кто же нас хоронить будет».

Васька любил лошадей, поил их и задавал им корм

РАССКАЗ О ДЕРЕВНЕ

Коллективный доклад, прочитанный на конференции 5-х групп 36 школы СОНО

Товарищи! Все, что вы услышите в нашем рассказе о новой деревне, не сказка или наша фантазия,—это настоящая правда. Все, что мы опишем, уже есть в современной деревне: уже есть ясли, нардома, электрификация и прочее. Но в отдельных деревнях нет всего сразу, а все это раскидано мелкими крупинками по всему необ'ятному Союзу Советских Социалистических Республик; мы же все эти крупинки соединили в одно целое, и у нас получилась новая деревня, о которой вы услышите от моих товарищей.

1

Идем в деревню

На гористом берегу бурливой речки расположилась деревня «Красный Октябрь». Вековые могучие деревья вычищенного леса; свежая зелень молодых деревьев сменила старые полусгнившие пни. К шуму лесной листвы, к щебетанью птиц примешивалось журчанье небольшой, но глубокой речки, которая текла под склоном горы и огибала деревню.

О близости человеческого жилья напоминали плескавшиеся и нырявшие в реке, отдыхавшие на берегу и щипавшие траву гуси и утки с выводками. На другом берегу расположились большие зеленые луга. За лугами расстилались поля, зеленели побеги ржи, чернели яровые.

2

В деревне «Красный Октябрь»

Шоссейная дорога, похожая на аллею, вела в деревню. При приближении к деревне слышался какой-то шум; это работала небольшая электрическая станция, добывавшая электрическую энергию для нескольких деревень; плотины преграждали путь воде бурливой речки и заставляли воду приводить в движение турбины электростанции. Рядом с электростанцией виднелось здание водокачки, которая снабжала деревню чистой профильтрованной водой. От станции во все стороны тянулись электрические провода, несшие в деревню свет, и телеграфные и телефонные проволоки. Ряды столбов тянулись по краям чистой, ровной, широкой улицы деревни. Красоту этой улице придавали просторные, светлые домики, построенные из огнеупорного кирпича и крытые железом. Каждый домик утопал в свежей зелени цветущих фруктовых садов; во многих садах виднелись ряды пчелиных ульев. За садами тянулись огороды; в парниках, которые были разбиты при некоторых огородах, росли ранние овощи; по глубоко распаханной рыхлой почве самих огородов сновали ручные сеялки, кипела работа. Внутренность хлевов поражала своей чистотой и обширностью; стены были оштукатурены и чисто выбелены; они сделаны из огнеупорного кирпича, как и стены жилых построек. Пять больших окон освещали хлев. В хлеву полнейшая тишина, только вентиляторы слегка нарушали эту тишину; они вертелись не переставая и выгоняли дурной воздух. По стенам тянулись провода электрического освещения, и сверху свешивались две электрических лампочки, которые освещали хлев во время вечернего доения коров и вечерней уборки.

Пол хлева сделан из цемента, с деревянной подстилкой в том месте, где стояли животные. От настилок, слегка покатых, шли цементные канавы, прикрытые решетками для стока жижи. Таким образом, не пропадало ни одной капли удобрения. Каждый день навоз сгребается в кучу и вывозится за огород в цементную яму, куда стекает и жижа. Хлев деревянными перегородками разделяется на несколько отдельных стойл. В каждом стойле устроена отдельная кормушка на такой высоте, которая требуется для животного, и тут же находились раковины, куда каждый раз наливалась из водопровода чистая, свежая, профильтрованная вода. Дверь хлева хорошо законопачена и плотно закрывается. В хлеву имеется печка на случай сильных морозов.

На просторном вымощенном дворе было шумно: кудахтали породистые куры, между ними важно прохаживались петухи; ин-

дюки, веером распустившие хвосты, покрикивали на остальных птиц; особняком у большого, хорошо устроенного птичника держались наседки с цыплятами.

Пастбище находилось недалеко от деревни возле речки. По нему, лениво пожевывая сочную траву, паслось большое стадо коров. Коровы были хорошей породы и были хорошо вычищены. За ними издали присматривал пастух. Коровы мирно паслись на лугу и пастух имел возможность просматривать газету. Невдалеке от стада коров паслись стада длинношерстных овец и стада свиней. Свиньи были большей частью иоркширской породы, рослые, хорошо вымытые. В полдень послышалось лязганье ведер; это пришли крестьянки доить своих коров. Через некоторое время крестьянки уже уходили с большими ведрами, наполненными теплым, густым молоком. За пастбищем расстилались обширные поля, чернеющие глубоко вспаханной землей. На яровом поле кипела работа: взад и вперед ездили рядовые сеялки, запряженные здоровыми, рослыми лошадьми. По полю, пыхтя, ездили два трактора. Все поля были разбиты на восемь участков, на которых чередовались разные культуры с разной длины корнями и требующие из почвы различных питательных веществ. Ни один клочок земли не пустовал.

3

За оживленной весенней и летней работой незаметно подошел один из самых больших и веселых праздников новой деревни—день урожая. В деревне шли деятельные приготовления к этому празднику. Одни из крестьян поехали за хлебом, оставшимся на поле, а другие крестьяне стали огораживать свои поля щитами; огораживали они только с одной стороны, другие же стороны были защищены от ветра естественно.

4

Праздник урожая

Наконец, наступил и самый день урожая. Группа крестьян возвращалась с поля.

Подойдя к деревне, они стали быстро расходиться по домам, время от времени поглядывая на нардом, избу-читальню, крестком, украшенные комсомольцами и пионерами деревни. «Да,—думал каждый из них,—отцы наши жили не так, как мы,—они еще только боролись за новую деревню, мы же в ней живем, мы работаем организованнее, и поэтому нам так все дается. Нами руководят опыты нашего кружка и советы агрономов, а не дедовские привычки. Отцам же нашим жилось куда хуже, так как им приходилось все делать по своему усмотрению да по редким отрывистым советам знающих людей». С такими мыслями подходили крестьяне к дому. Там они быстро управляются с хозяйством, моются под краном водопровода, снимают с себя рабочий костюм, одевают чистое белье и принимаются за просмотр газеты. Но тут внимание крестьян отвлекли несколько ребятишек, идущих из детского сада и несущих сноп колосистой ржи в руках. Их сопровождала руководительница.

Всесоюзный староста М. И. Калинин среди деревенских ребят

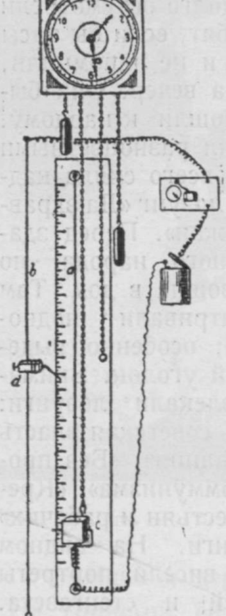
Дойдя до зеленой лужайки, ребятки положили сноп на землю и стали его украшать красными флажками, а затем запели песенку в честь урожая. Крестьянин и его жена долго бы смотрели на играющих ребят, если бы часы не пробили $7^1/_2$ и не напомнили, что пора итти на вечер. Они быстро оделись и пошли к нардому. Нардом весь сиял разноцветными огнями, но ярче всего сияла надпись «Нардом» и лозунг «Да здравствует день урожая». Перед зданием стояло много народа, но большая часть вошла в дом. Там крестьяне осматривали подновленные уголки; особенно выделялся Ленинский уголок. Внимание всех привлекали лозунги: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация», «Без просвещения нет коммунизма», «Крепите смычку крестьян и рабочих» и другие лозунги. На видном месте висели портреты вождей и стенгазета. Перед стенгазетой было много народа; всем хотелось узнать, что делается в деревне. Также много народа было и в выставочных помещениях. Одни крестьяне интересовались с.-х. кружками, другие — политическими, третьи—физкультурными и другими. Вдруг прозвонил звонок и все пошли занимать места. Через несколько минут председатель от шефа открыл заседание и дал слово для приветствий. Затем было художественное отделение. Здесь на всех очень большое впечатление произвела картина «Крепостная деревня». После радио-концерта крестьяне пошли домой, мысленно сравнивая бесправного крепостного с полноправным теперешним крестьянином, и мысли их переносились к предстоящим перевыборам сельсовета и выборам на всесоюзный с'езд советов.

Как по - вашему, ребята, правильно ли представляют себе будущую деревню школьники, делавшие доклад?

В ПОМОЩЬ

ЭЛЕКТРИФИЦИРОВАННЫЕ ЧАСЫ

С. БАРАНОВ

В некоторых случаях очень важно, чтобы звон будильника раздавался не только в той комнате, где он висит или стоит, а и в других, отдаленных помещениях или даже в нескольких одновременно, например, во всех классах, оповещая о начале или конце перемены, летом—на дворе или в отдаленных местах школьного здания. Такое оборудование к часам при помощи одного или нескольких электрических звонков могут легко оборудовать школьники.

Самые дешевые часы, имеющиеся всюду, это известный всем будильник. Приспособим к нему наше устройство, хотя не сложнее сконструировать его и к часам с гирями. Но об этом—дальше.

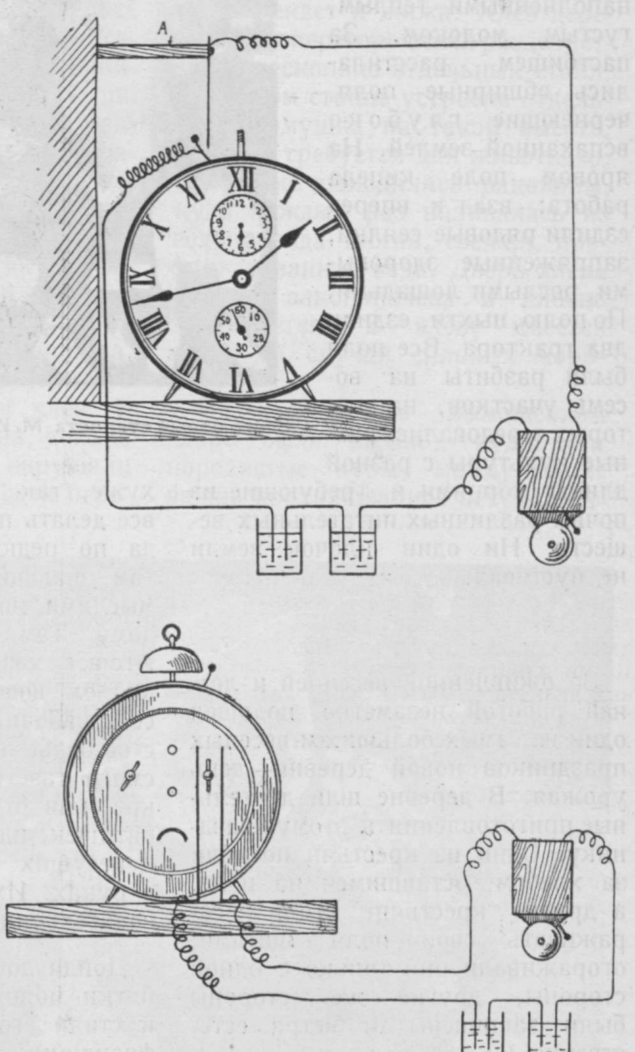
Звон будильника имеет свой особый завод при помощи ключа, помещенного сзади; там два ключа: один заводит часовую пружину, другой—пружину колокольчика. Маленькая стрелка в нижней части циферблата служит для установки времени, когда должен раздаться звон, то-есть в какой момент освобождается пружина звоночного язычка: тогда барабан, вращаемый пружиной, своими зубчиками заставляет язычок вибрировать и часто ударяться о звонок. В это время ключ завода, связанный с этим барабаном, сам очень быстро вращается. Этим свойсвтаом мы и воспользуемся. Будильник укрепляют на какой-нибудь подставке и на ней же при помощи винтиков (см. рис. справа внизу) укрепляют две эластичных пружинки. Они могут быть стальными или латунными. Их привинчивают вертикально и притом так, чтобы ключ завода, начиная вращаться, задевал их, расталкивая, но не задерживаясь ими в своем вращении; в остальное же время нужно, чтобы он их не задевал. К пружинкам, через их винты, подведены два провода, размыкающих цепь от элемента и звонков. Тогда при вращении ключа, то-есть в момент звона, цепь ключом замыкается и электрический звонок звонит там, куда он проведен. Ясно, что можно провести не один, а несколько звонков, включив их в магистраль цепи последовательно или параллельно, как выгоднее при наличности данного источника тока. Можно сделать и так, чтобы сам будильник не трезвонил: нужно только отвинтить звоночную шляпку. Если допустим такой случай, то все устройсвто следует несколько изменить (см. рис. справа, верхний).

Будильник ставят в уголок, и на каком-нибудь кронштейнике А укрепляют мягкую пружинку так, чтобы молоточек звонка ударялся о нее в момент звона. Шляпка звонка при этом удалена. К язычку подведен ток при помощи тонкой изолированной проволоки, смотанной в виде спиральки; другой конец провода подведен к пружинке. Ясно, что при колебаниях язычка он будет замыкать ток и тем заставит электрический звонок (или звонки) также звонить.

В описанных устройствах есть одно неудобство. Если вы сами не догадались, я вам подскажу. Когда будильник прозвонил, его снова надо завести и снова поставить указатель на новый час. Часы с гирями позволяют сконструировать такое устройство, чтобы звонки звонили не один раз, а столько раз в течение суток, сколько то требуется обстоятельствами, например, каждый час; кроме того, этот будильник можно заводить не за 12 часов, как обычно, а за 24 часа до нужного срока.

Сперва заведите часы до конца, т.-е. опустите донизу конец цепочки. По укрепленной под часами доске метра в два длиной следите, на сколько в час поднимается нижнее колечко цепи, и отмечайте. Расстояние между отметками разделите на 12 частей. Сверху и снизу доски через бутылочные пробки вбейте два гвоздя и между ними натяните проволоку a (см. рис. слева). По этой проволоке скользит маленький деревянный кубик, просверленный под прямым углом, подвешенный к концу цепочки и имеющий указатель c. Несколько в стороне от доски натягивается другая проволочка с указателем d, имеющим эластичную пружину и винт для закрепления указателя на любом делении доски. Лучше иметь их несколько. Включение цепи показано на рисунке. Кубик, поднимаясь, зацепит пружин указателя, и звонок будет звонить, пока он не минует ее. Указатели могут быть расставлены в разных точках доски и будут подавать сигнал в любое время и столько раз, сколько имеется указателей.

Можно придумать еще множество систем электрификации часов, но мы ограничимся описанием изложенных, предоставляя читателям изобретать дальше.

ШКОЛЕ

ЦЕНТРОБЕЖНАЯ МАШИНА

С. Б.

Центробежная машина относится к тем приборам, которые в собственном изготовлении, руками ребят, вполне заменяют дорого стоящий покупной прибор. На такой самодельной машине прекрасно удаются поучительные и занимательные опыты, ничуть не хуже, чем на фабричных, изготовление же ее, как увидим ниже, весьма несложно и обходится более, чем дешево.

Построив описанную здесь машину, всякий, конечно, сможет демонстрировать на ней хорошо известные опыты из области механики круговых движений, явления смешения цветов, показать, какие трехмерные фигуры образуют плоские тела вращения и многое другое.

Приступим к постройке машины.

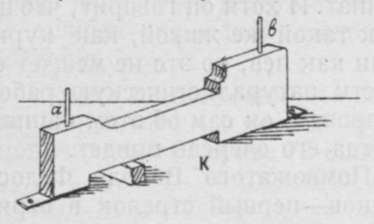

Рис.

Доска в 5 см толщины, вырезанная по рисунку 1, будет служить основанием машины. Ее можно сделать и без фигурных вырезов, служащих только ради красоты, — тогда работа упростится. Это основание при производстве опытов нужно будет основательно привинтить к столу, для чего с нижней стороны основания машины следует прибить две металлические планки, несколько выступающие наружу, с двумя отверстиями в каждой для винтов. С противоположной стороны сделаем два отверстия (*а* и *в*) и в них вгоним два прочных, цилиндрически обточенных шпинька, укрепленных строго вертикально. На шпиньки кладут две металлических шайбы—их легко найти у любого слесаря или в домашнем хламе. На один шпинек насаживается большая катушка А (рис. 2), другую катушку надо распилить пополам—это понадобится для вращающегося колеса. Колесо выпиливается из трех фанерных досок. Средняя (круг) из фанеры в 8—10 миллиметров толщины, имеет точный диаметр в 24 см и может быть выпилена из двух половинок, если не найдется материала. Верхняя и нижняя наклейки (круги) служат для того, чтобы приводной ремень не соскакивал; они должны на полсантиметра выдаваться над средним кругом, таким образом их надо выпилить диаметром в 25 сантиметров каждую. Их тоже можно составить из частей. При склеивании или сбивании маленькими гвоздиками непременно нужно следить за тем, чтобы центры всех трех кружков в точности совпадали. После склейки столярным клеем получается колесо с желобом, как всякое приводное колесо для шкива. В нем надо просверлить два отверстия: в центре и на расстоянии 7—8 см от него, и винтом снизу прикрепить какую-нибудь ручку Е (рис. 2) или большую катушку, которая ее с успехом заменит. Под нее также, как и под голову винта, для уменьшения трения следует подложить шайбы: катушка должна на винте (вместе с ним) свободно вращаться в своем отверстии и служит для приведения колеса во вращение.

Колесо насаживается поверх шайбы (3) на шпинек *а* (рис. 2). Чтобы оно вращалось, не болтаясь, с верхней и нижней стороны приклеивают, а можно и прибить гвоздиками через шляпки, по половинке распиленной катушки (1 и 2), при чем колесо с катушками должно легко вращаться на плотно вогнанном шпиньке *а*, поэтому толщина его должна возможно точнее соответствовать диаметру дырок в катушке и колесе.

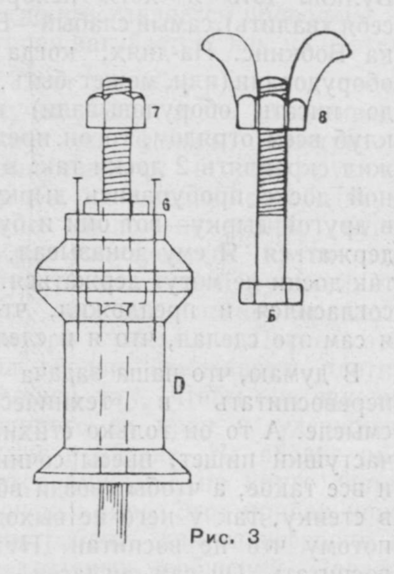

Рис. 3

Вот в сущности и все устройство машины. Остается соединить колесо с катушкой А приводом. Если нет круглого ремня, что употребляется для швейных машинок, то можно взять английскую крученую бичевку или шнур от электрического освещения. Ремешок *с* стягивается проволочной скрепкой, как показано на рис. 2, бичевка сплетается, а шнур в нужном месте можно спаять—это самый прочный и менее всего поддающийся растяжению привод.

Колесо сделано такого большого диаметра в сравнении с диаметром катушки—примерно в 10—12 раз—для того, чтобы последняя вращалась достаточно быстро: если мы вращаем колесо со скоростью, например, трех оборотов в секунду, а так это и происходит на самом деле, то катушка сделает в секунду 30—36 оборотов, что вполне достаточно для всех наших опытов.

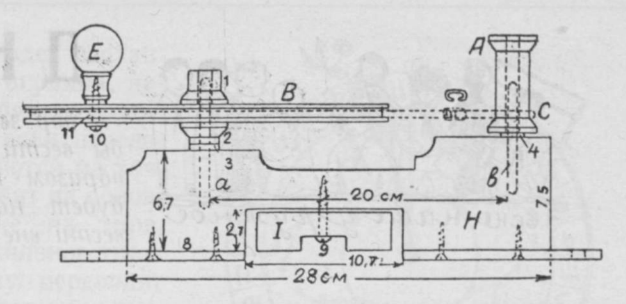

Рис. 2. Основание машины *Н*; шпиньки для насадки колеса и катушки *а* и *в*; шайбы под них 3 и 4; диск вращения *В*; ручна вращения *Е*; ее винт 11; шайба под ним 10; половинки катушен 1 и 2; приводной ремень *с*

Желательно еще одно усовершенствование машины. Если вам удастся достать на рынке, у слесаря или вообще откуда-нибудь болт с двумя гайками, а еще лучше с гайкой и барашком, следует сделать приводную катушку, как она изображена на рисунке 3. Для этого пригодна большая ниточная катушка Д и часть такой же катушки. Болт частью Б (рисунок 3, справа) врезается в верх большой катушки, половинкой накрывается, и обе они соединяются клеем и тонкими шпильками и сжимаются гайкой (6).

Сверху навинчивается барашек, служащий для крепления различных приборов к катушке. Такое приспособление значительно упростит постановку и быструю смену опытов.

Что можно продемонстрировать на центробежной машине, знает всякий, но мы вкратце перечислим важнейшие из них: шарики на проволоке; как рассыпаются песчинки с вращающегося диска; модель центробежного регулятора; маятник Фуко; форма земли; вращающийся прямоугольник производит впечатление цилиндра; стробоскопические явления—вращающийся картон и изображение птицы и клетки создает сливающийся в глазах рисунок, и птица кажется сидящей в клетке; смешение цветов.

Для последней категории опытов следует приготовить туговходящий в катушку шпинек с пропилом для вставления в вертикальном положении картона (см. рис. 4) и других плоских фигур.

Рис. 4

Особенно эффектны и поучительны опыты по смешению цветов. Об этом подробнее изложено и приложены многочисленные цветные таблицы в книжке К. Эльснера в издании «Научного Книгоиздательства», в серии «Для умелых рук». Продается книжка во всех магазинах или может быть выписана из издательства (Ленинград, пр. Володарского, 25).

ДНЕВНИК ЗВЕНА

Сбор звена постановляет, чтобы вести дневник коллективным образом по порядку, а если кто будет нарушать порядок, тому вести вне очереди

В этом дневнике нашей зимней работы будет записываться все что мы делали, а также—как это все проделывается, чтобы другие звенья знали, как нужно работать.

Дневник мы начинаем

Вожатый звена: Коля Булкин

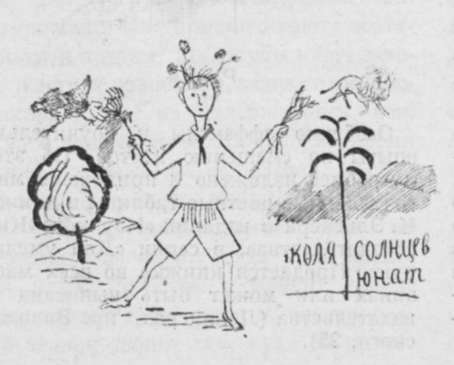
Пионеры: Володя Федосейчиков
Коля Шамет
Коля Солнцев
Боб Бобкинс
Маруся Кожицова
Лиза Хащенкова
Юля Анненкова
Сережа Федосейчиков

Как Бобкинс пишет стихи и что ему в это время кажется

Коля Шамет и запоздавший сачок

9 октября. В виду того, что я вожатый, пришлось мне первому начинать этот дневник, а что писать я еще хорошо не знаю. Я все-таки думаю, что нужно записывать всю работу и все, что думаешь о звене и его работе.

Звено наше дружное. Единственный недостаток, что слабо насчет техники. Самый сильный в смысле техники это — Коля Булкин (это я—хотя нехорошо себя хвалить), самый слабый—Бобка Бобкинс. На-днях, когда мы оборудовали (или, может быть, надо писать оборудовывали) наш клуб всем отрядом, то он предложил скреплять 2 доски так: в одной доске пробуравить дырку и в другой дырку—вот они и будут держаться. Я ему доказывал, что так доски не могут держаться. Он согласился и предложил, чтобы я сам это сделал, что я и сделал.

В думаю, что наша задача его перевоспитать в техническом смысле. А то он только стихи да частушки пишет, пьесы сочиняет и все такое, а чтобы гвозди вбить в стенку, так у него не выходит, потому что не воспитан. Нужно воспитать. Он сам согласен.

Второй, которого воспитать, это—Коля Шамет. Он все делает и за все берется. Только вчера он принес на сбор очень хороший сачок для бабочек и девять ремешков к заспинным мешкам, между прочим, его изобретение. Все было бы хорошо, только две ошибки. Сачок и ремешки он обещал сделать еще весной перед лагерем, а ремешки оказались и вовсе ненужны для мешков. Он их из головы выдумал.

На сборе об этом говорили, что ему нужно тоже перевоспитаться, но он не согласен. Из школы нам прислали записку, а в записке сказано, что он уже год не приносит из домкома справку, что он там живет. А он дома живет—мы все видели. Звено постановило, чтобы достал.

Коля Солнцев—натуралист, он юннат. И хотя он говорит, что цветок такой же живой, как курица или как лев, но это не мешает ему вести натуралистическую работу. Впрочем, он сам об этом напишет, когда его очередь придет.

Помвожатого Володя Федосейчиков—первый стрелок в отряде, но его надо перевоспитать в смысле брата. Брат его Сережка самый младший в звене и хотя хулиган, но имеет тягу к технике. Это уже много значит, а Владимир все время говорит, что ему не в отряде быть, а в милицию надо отправить за хулиганство. Но это еще вопрос, по-моему, его можно перевоспитать.

Остаются три девочки. Лиза Хащенкова, Маруся Кожицова и Юля Анненкова. Ребята и девчата живут хорошо и хотя дразнят Марусю, что она толстая, а Анненкову прозвали Юлой, но все-таки ничего—это не очень мешает. Только Лиза Хащенкова против прозвищ, и я с ней согласен. Придется поставить на сборе вопрос о перевоспитании.

Вот и все наше звено «Красный Пионер».

Коля Булкин

11 октября. У-ф-ф-ф! Я думал, что у меня голова распухнет от всех этих точек и тире. Когда Булкин пришел и сказал, что сегодня мы будем заниматься азбукой Морзе, я даже обрадовался. Теперь же я должен сказать, что стихи писать куда приятнее и легче...

Начну по порядку.

Азбуку Морзе мы еще в лагере учили. Ну, теперь все-все забыли.

А Булкин вынимает записную книжку и заявляет:

— Сначала у нас будет игра, потом практические занятия, а потом еще игра. Вынимайте-ка записные книжки и карандаши.

У меня, конечно, не было ничего. Когда меня ругали, сказал, что писал в ней стихи и забыл дома. А стихи были про азбуку Морзе. Надо будет написать их, потому что все сказали, чтобы принес стихи в стенгазету.

Потом Булкин опять говорит:

— Я записал несколько фраз азбукой Морзе. Я вам их продиктую сейчас. Кто первым их расшифрует и у кого будет меньше ошибок, тот и победитель. И вообще полагается делать не больше 3 ошибок—по одной ошибке на 20 букв.

Вот что он диктовал (это запись верная, потому что не моя—у меня получилось в 61 букве 72 ошибки).

— — — ./ ./— —/— .../ ./ .—./ .—..
/.—.//—.../— — —/.—../—..—/— —
— —/.— — —//—./ ./— — ./— — —/—../
.—.—/.— — —// .—/—./— —./.—../../
.— — —/...—.—/..././/.—./.—/—.../
— — —/— — —././.// ./— — ./— — —//
— — —/—.../.—.—/— —../.—/—/./
.—../—..—/—./— — —//.— — ./— — —/
.— —/./.../.—.—/—//

Потом мы принялись делать прибор для приема сигнализации. Булкин говорил, что это его изобретение. Мы было сначала поверили. Но тут пришел сияющий Володя Федосейчиков и сказал, что он изобрел новый прибор для приема сигнализации. А опоздал он на сбор потому, что изобретал его. Мы очень обрадовались, что у нас в звене 2 изобретателя. Потом оказалось, что приборы у них одинаковы. Булкин сказал, что великие идеи носятся в воздухе и что поэтому очень многие изобретения делаются сразу несколькими.

— Вот, например, радио,— сказал он.—Его изобрели Попов и Маркони почти в одном году.

Должно быть, это правда, потому что я потом видел этот прибор еще у одного мальчика.

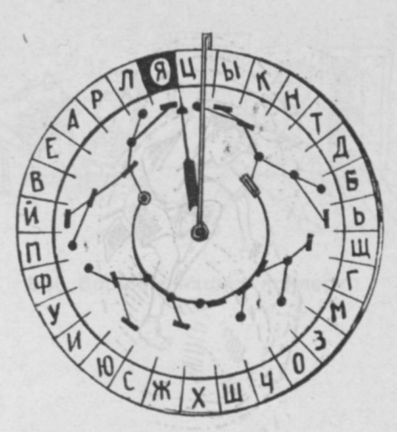
Как устроен прибор, вам ясно из чертежа. Это—круг, на краях которого нарисованы буквы. Против каждой буквы находится точка или тире, соединенные линией. Против букв Е и Т находятся основные точки и тире. Из середины круга идет сделанная из проволоки загогулина, которая легко ходит вокруг круга. Пользуются им так: если передаваемые буквы начинаются на точку, то загогулину ставят на основную точку, если же на тире, то она ставится на основное тире. Затем эту загогулину переводят по прямой линии на тот знак, который передаются следующим. Таким образом, когда кончается дача буквы, то загогулина указывает ту букву, которая передана.

Главное, когда делается прибор, чтобы были правильно расположены знаки против букв:

Делается он так. Берется кусок картона; на нем циркулем вычерчивается круг диаметром чуть поменьше ладони. На картонный круг наклеивается белая бумага с начерченными на ней заранее тушью буквами и точками с тире, как показано на чертеже. В середине круга проделывается отверстие и вставляется проволока, которая загибается, как на чертеже.

Этот прибор можно сделать лучше. Для этого выпиливается круг из фанеры. Внутри его выпиливается второй круг так, чтобы на оставшемся ободке можно было поместить буквы. Края внутреннего круга полируются наждачной бумагой, чтобы он мог легко вращаться внутри ободка. После этого на ободок наклеивают плотную бумагу так, чтобы она заходила немного за края и удерживала круг в ободке. На ободке рисуются буквы, а на круге система точек и тире. Этот прибор можно употреблять для зашифровки передаваемых сообщений. Делается это так. Вы условливаетесь, что основная точка ставится не против буквы Е, а против какой-либо другой буквы, напр., Л; и тот, кто посылает депешу, и тот, кто принимает—будут посылать и передавать буквы по прибору, и никто не сможет расшифровать сообщения, не зная, против какой буквы стоят основные точка и тире.

Наделали мы таких приборов массу—можно было целый лоток в роде Моссельпрома открыть. Но тут Сережа Федосейчиков, который сидел в стороне и мрачно что-то чертил, а потом рвал, встал и говорит:

Картонный прибор для приема сигнализации

Тот же прибор из фанеры

Бобкинс запутался в точках и тире

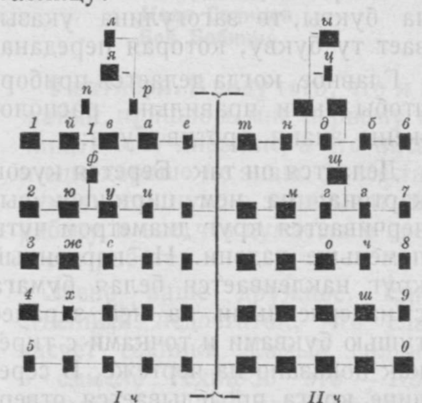
Мы качали Сережу, но Юля находит книжку, и получается конфуз

— Я тоже изобрел прибор для приема азбуки Морзе даже незнающими ее.

Это всех очень заинтересовало, особенно девчат, потому что они знали азбуку Морзе все вместе, а по отдельности не могли (каждая знала только по 11 букв и по три цифры).

Сережа вытаскивает мятую бумажку и показывает нам такую таблицу:

— Называется это изобретение «Сережит»,—сказал он,—а пользуются им так. Вы смотрите, какой знак передают первым. Если тире, то вы смотрите направо, где все ряды начинаются с тире, а если точку, то налево, где все ряды начинаются с точек. Напр., передают точку—вы смотрите налево. Потом передают опять точку—вы смотрите на второй ряд. Потом тире—смотрите опять на второй ряд, где после точки идет тире. Если же передают опять точку, то смотрите на третий ряд, где после точки идет опять точка. Так вы добираетесь до конца передачи буквы. А там над знаком стоит буква и вы узнаете легко, какая передана буква.

Тут мы все начали кричать и хотели Сергея качать, как настоящего и единственного изобретателя. Но тут опять получился конфуз: когда мы качали его, из кармана у него выпала какая-то книжка. Юля, по своей привычке, схватила ее и начала рассматривать.

— Ребята,— говорит она,— эту книжку наверно Сергей Федосейчиков написал—смотрите, тут такой же прибор есть.

Потом мы опять играли. Нам Булкин дал по номеру «Пионера» и велел списать из него по десяти строчек из «Джона Воркмана» азбукой Морзе. Я думал. что выиграю, потому что я тайком забрал прибор для передачи и по нему списывал, но получилась у меня такая тарабарщина, что я сам прочесть не мог. Оказалось, что в приборе-то средний круг был повернут и все буквы вышли у меня неверно. Все сказали, что это не по-пионерски и решили записать в дневник. Вот я и записываю, но, честное пионерское слово, намерения у меня были самые хорошие.

Потом мы оделись и пошли играть на улицу. Там мы разбились на две партии. Сначала первая партия разбилась на два поста, которые были расположены на разных концах квартала. Около неприятельских постов стояли наши посты. Один из неприятельских постов стал передавать такую депешу, которую дал ему Булкин: «Скорее идите в клуб. Найдите там письмо в зеленом конверте с надписью: «В штаб дивизии» и передайте его содержание». Наш же пост старался прочесть эту депешу скорее, чем неприятельский. Мы скорее прочли депешу, чем неприятель, и побежали скорее в клуб. Я прибежал первым и сразу же увидел зеленый конверт—он лежал на подоконнике. Я схватил его и побежал обратно. Когда же я распечатал его, там было написано: «У тебя плохая наблюдательность,—прочти, что написано на конверте». А на конверте было написано: «В штаб полка». Оказалось, что Булкин разложил в клубе штук 15 зеленых конвертов с разными надписями. Настоящий же конверт под столом лежал. Потом мы стали передавать, а враги старались прочесть. Мы опять проиграли, потому что я вместо поручения стал передавать свои стихи, запутался, и никто ничего не мог прочесть.

Боб Бобкинс

12 октября. Игру эту предложил Володька. Почему же мне записывать?

1. Одному из пионеров завязываются глаза, и он ставится посредине комнаты. Вожатый тихо отходит в другое место комнаты и негромко, но так, чтобы «слепой» слышал, говорит: «Володя (имя играющего), иди сюда». Слепой старается найти по звуку голоса вожатого. Игра должна продолжаться не более 15 минут.

2. Одному из пионеров завязывают глаза, а другой назы-

вает его по имени. «Слепой» должен отгадать по голосу—кто назвал его имя. Угадывать он может 3 раза. Если он угадает, то глаза завязываются у произносившего имя. Звать надо естественным голосом.

Иначе еще так можно играть: играющие образуют круг, в середине которого находится «слепой» с завязанными глазами. Круг вращается в какую-нибудь сторону. «Слепой» говорит «стоп» и указывает пальцем на кого-либо из играющих. Тот должен прокричать какое-либо слово три раза измененным голосом. Если «слепой» правильно назвал говорившего, то тот идет водить.

3. Одному из пионеров завязывают глаза и ставят его на середину комнаты. Около него кладут шапку или галстух. Остальные располагаются у стен комнаты. По знаку вожатого один из пионеров должен на цыпочках обойти вокруг «слепого», потом подойти к нему, взять галстух и вернуться на свое место. «Слепой» же прислушивается к шагам идущего и старается определить направление, в котором находится похититель. Определив направление, он показывает рукой, говорит «стой» и идет, стараясь дотронуться до похитителя. Если «слепой» показал правильно, то похититель должен стоять на месте и ждать, пока «слепой» до него дотронется или пройдет мимо. Если же «слепой» показал неправильно или прошел мимо, то похититель направляется к галстуху и берет его. Пойманный похититель становится «слепым».

По-моему, это просто игра для глухих и вообще — сплошная ерунда. Я и так хорошо слышу, что Володька грозит меня в милицию отправить. А я вовсе не бузил, и вообще—это клевета. На свете хуже нет, чем братья. И мое такое постановление, что лучше из братьев звеньев не делать.

А что касается до моих изобретений, то ящик для мусора я сам выдумал и если будут болтать, что я его в кино видел, так, во-первых, не я видел, а Володька, а я только рядом сидел. А картина про то, что сто лет тому назад было, когда не то что меня, а и всего звена не было, поэтому я свое изобретение смело описываю и надеюсь, что весь наш отряд будет бросать мусор только в мой ящик для мусора. Размер ящика зависит от размера досок.

К ящику прилаживается крышка так, чтобы она ровно входила в ящик, а с одной стороны немного выдавалась над стенкой ящика. Около стенки крышка укрепляется на двух шпиньках или гвоздях так, чтобы она могла вращаться. На противоположной стенке ящика прибивается небольшая планка, чтобы крышка не опускалась. В крае крышки, выдающемся над ящиком, проделывается отверстие. В это отверстие вставляется палка. В конце палки просверливается или прожигается отверстие, и палка укрепляется на шпиньке так, чтобы она могла вращаться. Палка должна быть настолько легка, чтобы ее перевешивала более длинная часть крышки и высота ее должна быть такой, чтобы было удобно, не нагибаясь, открывать ящик. Нажимом на палку крышка открывается, в ящик высыпается мусор, а потом крышка автоматически закрывает ящик.

Теперь насчет дивана. Я против того, чтобы на диване рассиживаться. Записываю только по постановлению звена, которое хочет проводить беседы на диване. А я заявляю, что сидеть на диване не буду, лучше на ящике для мусора.

Из толстых досок сколачивается продолговатый ящик, высотой в 40—50 см. Это—основа будущего дивана. К нему делают крышку на петлях. На крышку кладут слои мочалы. Для того, чтобы мочала не сбивалась, ее туго перевязывают бичевками и концы их прибивают к крышке. Затем мочалу покрывают дешевой материей и ее прибивают к крышке с внутренней стороны гвоздями с широкими шляпками (т. наз. «обойными»). Прибиваемые края материи надо сложить втрое или вдвое, чтобы они не рвались. К крышке и ящику надо приделать два кольца, и запереть на замок.

Вот, правда, в этом диване есть секрет для хранения имущества звена. Так я предлагаю секрет и имущество звена оставить, а диван выбросить. А впрочем, как хотите.

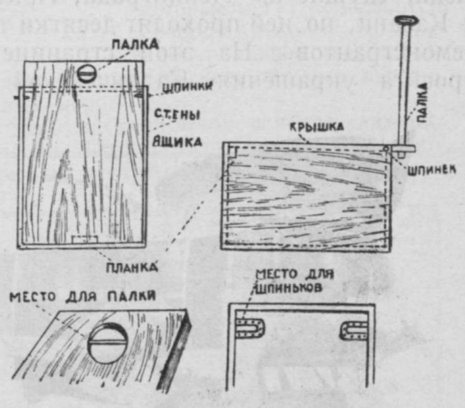
Сергей Михайлович Федосейчиков

Боб Бобкинс нашел конверт

Мы делаем диван

Чертежи к ящику для мусора

МОСКВА ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

То-есть мы хотим сказать—ровно через десять лет после Октябрьской революции. Когда вы будете читать этот номер журнала, праздник десятой годовщины Октября пройдет. Москвичам будет не ново, как была украшена Москва, ну а всем остальным ребятам, пожалуй, будет интересно.

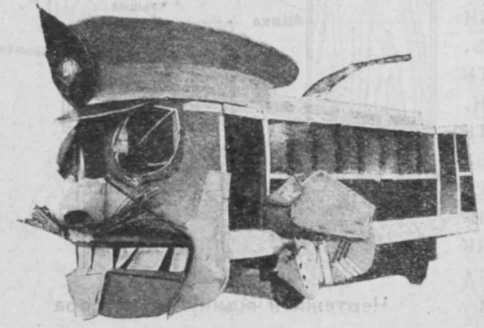
Это макет Сухаревской площади, сделанный из картона.

Странные домики, которые помещены на этой странице, сделаны из картона. Это макет, картонное подобие того, как должны выглядеть площади Москвы в десятую годовщину. Наверху справа—проект украшения Каланчевской площади. На Каланчевскую площадь выходит три вокзала. На эту площадь попадают люди, едущие из Ленинграда, Иркутска и Казани, по ней проходят десятки тысяч демонстрантов. На этой странице два проекта украшения Каланчевской площади. Один вы знаете. Найдите второй. Который вам больше нравится?

Слева—Сухаревская площадь. Это название известно, должно быть, и всякому не-москвичу. Коренные жители Ленинграда, которым не нравится Москва, называют ее Сухаревкой. Сухаревкой назывался рынок, который помещался на площади у знаменитой Сухаревой башни. Шум здесь сотял невероятный. Из-за шума-то и не нравится Москва жителям тихого Ленинграда. Теперь на этой площади нет рынка. Площадь заполняется только в октябрьские и первомайские дни вышедшими на демонстрацию трудящимися.

Если вы приедете в Москву, скорее всего попадете на эту площадь. На ней три вокзала. Только здесь они картонные. Наверху справа та же площадь.

Внизу—усатая морда Пилсудского. Но беспокоиться нечего—это всего-навсего трамвай-плакат гуляет по Москве в десятую годовщину Октября.

Модель трамвая

Здесь нет необходимости делать «отмахи» после каждой буквы. «Вызов», «отзов», «не понял» и «конец передачи»— те же, что и в азбуке Морзе.

Особенное внимание следует обратить на технику передачи. Ноги должны быть широко расставлены, углы взмахов рук—безукоризненно точные. При показе флагов по одну сторону туловища, корпус поворачивается туда же.

Сигналы свистком

У вожатых отряда и звеньев имеются свистки. Нужно приучить ребят к определенным сигналам, чтобы в любую минуту можно было передать то или иное распоряжение. А то у нас частенько на сборе отряда шум и гам и вожатый тщетно надрывает голос, стараясь перекричать ребят, призывая их к порядку или предлагая построиться. Вот несколько простых сигналов.

Протяжный свист (—)— «смирно», «внимание», «стой»

Ряд коротких свистков (......) — «сбор», «ко мне».

Два протяжных и два коротких (— — ..)—«вожатые звеньев, ко мне».

Буква «в» (.— —) — «вперед» и т. п.

Практические указания к изучению сигнализации

Помните одно. Ничто не дается даром. Если вы думаете в два счета научиться сигнализации, то вы ошибаетесь. Во всяком деле нужна длительная, серьезная подготовка. Раз взялись за дело—доведите его до конца. Не бросайте его недоделанным, как это часто у нас бывает.

Занимайтесь по звеньям. Начинайте с азбуки Морзе, так как она легче и наиболее распространена. Пусть каждый перепишет азбуку в свою записную книжку. Желательно вывесить плакат с азбукой в уголке звена.

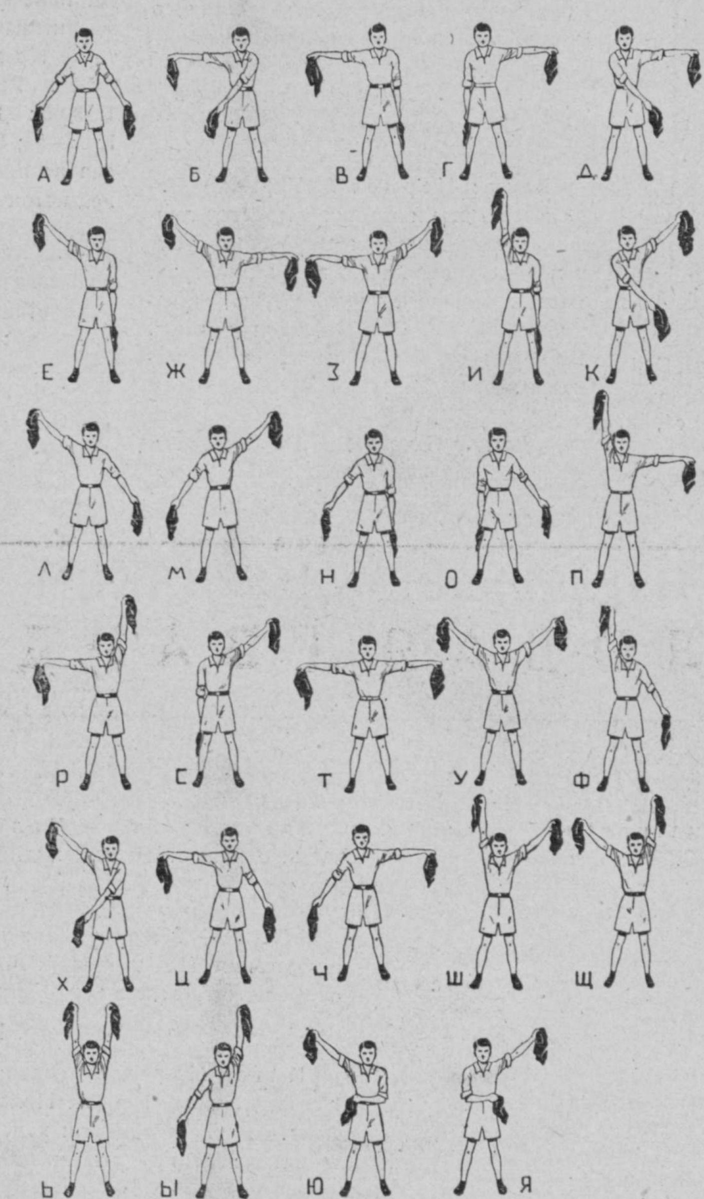
Заготовьте необходимое оборудование. Флажки сделайте размером 40×50 см, прибейте к небольшим палочкам (хорошо обстругайте и выкрасте их), сшейте ножны для ношения флажков на поясе. На звено достаточно две пары флажков.

Достаньте фонари, полотнище и проч.

Изучайте алфавит всем звеном. Постройтесь, как вы строитесь для гимнастики, и пусть вожатый звена показывает отдельные буквы. Повторяйте все вместе. Когда научитесь хорошо сигнализировать семафором вы всегда сможете показать красивое вольное движение, не потратив на его разучивание ни одной секунды. Для этого вам придется только условиться о передаче какого-либо слова.

Переписывайтесь телеграммами по азбуке Морзе. Конец буквы отчеркивайте один раз, конец слова—два раза.

АЗБУКА СЕМАФОРА

Например:

.— —./../— — —/—./. /.—.//—.../..—/
п и о н е р б у
—../—..—//— —./— — —/—/— — —/.— —//
д ь г о т о в

Сигнальный пост состоит из 3 пионеров. В середине в своей обычной позе — стоя — сигналист. Его обязанность передавать депеши и отвечать на сигналы. Справа и слева от него, стоя на одном колене, приемщик и шифровальщик. Приемщик называет сигналы (наприм., «точка», «тире», «конец слова», в семафоре он называет буквы), а шифровальщик их записывает и расшифровывает. Пост должен иметь записные книжки, карандаши, конверты для отправки донесений, часы и желательно бинокль. Если предполагается отправка донесений, то необходимы и посыльные.

На практике

Один отряд пишет нам: «*В день 10-летия Октябрьской революции мы подведем итоги всем достижениям в работе. Наши сигналисты готовятся к интересному соревнованию. Мы проведем передачу приветственной телграммы на скорость вокруг всего города и на площади к центральным трибунам. Будут состязаться две партии, больше 40 постов. Путь, который должна пройти депеша—10 км. Это соревнование покажет наши достижения в сигнализации*».

Правильно делают ребята. Ведь, есть же у нас пробеги автомобилей, велосипедистов, эстафеты бегунов. Почему бы и нам не устроить пробег депеши, скажем, между городом и деревней? Передать приветствие от городских ребят деревенским. Что, тяжело? Конечно, придется поработать, подготовиться. Но все это вполне реально.

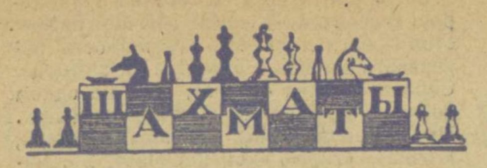
И почему бы не вовлечь в это соревнование несколько отрядов, выставляющих по 1—2 поста. Соревнование выйдет занятное и полезное. И будут даже свои рекорды. Один район передает депешу на 5 км в 20 постов в 30 минут, а другой — улучшит это время на пару минут.

Все это вырабатывает кадр хороших сигналистов, которые могут понадобится Советскому Союзу, а сейчас с их помощью мы проведем ряд интересных походов и военных игр.

«Готовь сани летом, а телегу зимой». Чтобы быть быть готовым к летним походам, изучай сигнализацию еще зимой.

Содержание

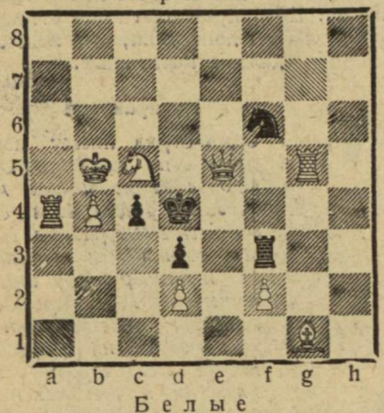
Цена 20 коп. 29401

Задача № 10

А. Хмыров (г. Старицы)

Черные

Белые

Белые: Кр b5, Ф e5, Л a4, g5, С g1, К g5, п b4, d2, f2.

Черные: Кр d4, Л f3, К f6, п c4, 3.

Белые начинают и дают мат в 2 хода.

ШАХМАТЫ СРЕДИ ПИОНЕРОВ

Буй (Костромской губ.). В пионерских отрядах нашего города стала в последнее время прививаться новая игра — шахматы. Играют в нее очень многие. Между отрядами происходят соревнования. Весной был устроен межотрядный турнир на первенство под руководством ВЛКСМ. На первое место вышел отряд им. Буденного, играли пионеры: Гуревич, Ильинский, Чирков. На втором и третьем местах остались отряды им. Калинина и Зиновьева.

Деткор Майоров

Белая-Церковь (Украина). Игра в шахматы и шашки считается лучшим времяпровождением у наших ребят в центральном клубе юных пионеров. Весною был организован кружок, охватывающий 25 чел. Проведен турнир. Шахматы отвлекают ребят от озорничания.

Деткор Боря Ямпольский

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

А. М. (Москва).—Задача твоя слаба и не может быть напечатана. Недостаток ее в большом количестве фигур и в том, что 1-й ход белых создает две угрозы (Л c4 × и Л d7 ×). Естественно, что от двух угроз трудно защититься. Присылай еще.

И. и Л. В. (Москва).—Задача не будет напечатана. Решение, указанное вами, неправильное: если 1. Л b6—a6+, то не Кр a2—b2, а К c3—a4! и мата не будет. Решается же задача иначе: 1. Ф p5 : b3+, Кр a2—a1; 2. Л b6—a6+, К c3—a4; 3. Л a6 : a4×. Но и при этом она не представляет интереса, так как ходы черных единственные—нет игры.

Б. Г. (Раненбург).—Присланная тобой задача решается не так, как ты указываешь. Если 1. Ф c4—d1+, то 1... Ф a4 : d1 и мата в 2 хода дать нельзя. Правильное решение такое: 1. Ф p4—e3+, Кр e1—f1; 2. К f5—g3×. Напечатать задачу нельзя, она не интересна.